

Юки Аме

16+

Музыка
и
кисти

Юки Аме

Музыка и кисти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42123611

SelfPub; 2022

Аннотация

В очень непростой период жизни Хлое сделали необычное предложение о работе: стать частью жизни талантливого, но безалаберного солиста и музыканта из рок-группы. Чем может закончиться подобная история? Новой болью или спасением, изменением одного или обоих?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	65
Глава 9	73
Глава 10	80
Глава 11	90
Глава 12	98
Глава 13	107
Послесловие	115

Юки Аме

Музыка и кисти

Глава 1

Сегодня я работала в клубе «3 Birds». Дон, сотрудничавший с хозяевами многих ночных клубов, часто предлагал мне подработку официанткой во время мероприятий. Это сильно меня выручало, хотя уставала я дико, с учетом того, что днем работала в кафе, вечером училась в колледже, и надо было еще находить время для выполнения домашних заданий. Учеба была платная, за квартиру, больше похожую на шкаф, тоже надо было платить и все, что оставалось, я отсылала родителям. Маме приходится очень не просто, после того, как отцу дали инвалидность и он был вынужден находиться дома.

Я не жалуясь, что вы, жалости я не терплю. И на это у меня просто нет ни времени, ни сил.

Все, что меня сейчас волновало, это то, как успешно закончить обучение на экономиста и начать зарабатывать, чтобы вытащить всех нас из-за грани бедности.

Сегодня в клубе должно было состояться выступление очередной смазливой мальчиковой группы. Лет им всем уже было по двадцать пять, наверно, но фанатели от них, в основ-

ном, пятнадцатилетние девочки, которые уже час как кричали в зале, ожидая начала концерта.

Я поставила на поднос высокие бокалы, блюдце с ломтиками лимона и несколько бутылок с минеральной водой, чтобы отнести в гримерку к «звездам». Прошла мимо афиши на стене, мельком бросив взгляд на изображение. Да, стандартные «поющие трусы». Простите, что я так их про себя называю. Я ничего не имею против музыки и романтики, но эти слащавые, безупречные лица! Ну, не люблю я слишком красивых мужчин.

Вы замечали, что стоит парню хоть немного отпустить волосы и у него сразу появляются такие жеманные жесты: он и встряхивает воображаемой гривой и эффектно откидывает волосы ото лба. Жуть!

Наверно, из-за моей черствости, Дон и назначал меня на работу, связанную с близкими контактами с артистами. Визжать и бросаться им на шею, я точно не буду.

Придерживая одной рукой поднос, второй я поправила форму и, вежливо постучав по двери с прикрепленной бумагой на ней, на которой было написано «Гримерка группы «Фокс», вошла внутрь. На меня никто не обратил внимания. Это было привычно. Прислуга должна быть незаметной. Но обстановка в помещении была явно накалена.

Я тихо подошла к низкому столику. На диване сидел, развалившись, один парень из группы. Я, не смея поднимать глаза, заметила только порванные джинсы и лежащие на ко-

лениях кисти с множеством кожаных браслетов. Перед ним стоял молодой мужчина, лет тридцати, в дорогом деловом костюме и с короткими, но явно уложенными волосами и что-то ему то ли выговаривал, то ли умолял о чем-то.

Пока я составляла на стол минеральную воду и забирала грязную посуду, то волей не волей, услышала их разговор, который переходил на повышенные тона:

– Юджин!

– Называй меня Фокс.

– Да хоть конь в пальто! Ты срываешь концерт!

Не сразу, но послышался ленивый ответ:

– Сколько можно повторять? У меня нет ни настроения, ни вдохновения, чтобы выступить сегодня.

Мужчина в костюме буквально зарычал, закатывая глаза и разворачиваясь. Остальные участники группы, их было трое, видимо, уже привычно для них, не участвовали в дискуссии, а только, кто сидя, кто стоя ждали решения.

Я быстро вскинула глаза, чтобы рассмотреть лицо парня, сидящего на диване. Кстати, голос у него был красивый, низкий, бархатный, идеально, чтобы разбивать нежные девичьи сердца.

Но, честное слово, фотограф, готовивший афиши, был настоящим мастером, потому что узнать в этом избалованном детском выражении того серьезного, соблазнительного и мистически обаятельного молодого человека было невозможно. Да, те же орехового цвета волосы, длиной до подбородка

и выющиеся на концах, большие глаза, тоже глубокого орехового цвета, темные густые брови, но в целом, картина не складывалась.

Обычный представитель «поющих трусов». Я снова извиняюсь за сленг. Густо подведенные черным карандашом глаза, худощавое тело, такая же черная майка и какие-то, наверняка загадочные, амулеты на шее. Все ясно.

А за стеной, разрывались поклонницы, крича: «Фокс! Фокс! Юд-жин! Юд-жин!»

Концерт, должен был начаться полчаса назад.

Как же это бесило! Золотая молодежь, не представляющая, что такое труд, нацепившая модно порванные джинсы, через которые светились ноги и только и умеющая, что строить глазки и шептать в микрофон с придыханием сладкие слова.

– Неужели так сложно меня понять? – продолжал заливаться этот соловей.

Я громко стукнула бокалом, с силой поставив его на столик и сорвалась:

– Быстро поднял свой тощий зад и пошел на сцену! Все эти люди, в зале, собрались только для того, чтобы услышать твой голос! А ты, тут, строишь из себя плаксивую девицу!

Договорив, а точнее, докричав, я развернулась и вышла из гримерки, хлопнув дверью. И отправилась вниз, на ходу развязывая пояс передника.

«Вот и все. Очередная работа для меня закончена наве-

гда! А все из-за моей нетерпимости и несдержанности. Я не умею быть милой или обходительной, особенно, когда вижу откровенную дурость».

Я горько выдохнула, осознавая, что же наделала: Дон меня не простит. А скоро приближается срок оплаты и за обучение и за квартиру. Про деньги на еду я вообще молчу. Эта тема стала для меня практически табу.

Переодевшись в свою обычную одежду и не сказав никому ни слова, я направилась домой.

А вечером, меня ждало еще одно испытание: разговор с мамой. Я пробралась по тускло освещенному коридору, между мешками с мусором, выставленными соседями и дошла до своей двери. Повернула вечно заедающий ключ в замке, зашла внутрь. Щелкнула выключателем, но свет не зажегся.

«Лампочка перегорела. Новой у меня нет».

Только я сделала несколько шагов до стола, как зазвонил телефон. Никогда не пойму, как мама каждый раз чувствует, что я уже дома. Я с тоской посмотрела на экран телефона, нацепила улыбку и нажала кнопку «ответить»:

– Привет, мам!

– Здравствуй, родная. Как ты?

«Господи, какой же заботливый голос. Держись!»

– Ой, все хорошо.

– Мы с папой получили твой перевод, спасибо, но я очень за тебя волнуюсь. Ты не перенапрягаешься?

– Нет, у меня все в порядке.

«Ног не чувствую, а спина ужасно болит, от таскания целый день тяжелых подносов».

– Как учеба? Ходите с девочками куда-нибудь?

– Конечно, мы любим бывать в кафе, недалеко от колледжа.

«Никого не знаю из группы. Когда бы я нашла время?»

– Солнышко, а ты хорошо кушаешь?

– Да, вот только поужинала. Представляешь, на ночь глядя! – и непринужденно засмеяться.

«Да моему актерскому таланту можно позавидовать!»

– Лучше расскажи, как папа?

– Неплохо, родная. Он бодрится, не хочет меня расстраивать. Весь день клеит те модельки самолетов из бумаги, что ты ему прислала.

– Хорошо, рада слышать твой голос.

– И я тоже, скучаю по тебе. И папа тоже.

«Я не заплачу, не заплачу...»

– Спокойной ночи.

Когда в телефоне раздались гудки, я, сложив руки на столе, одна на одну, упала на них лицом.

«Почему, ну почему, все так сложно?»

Глава 2

Сегодня у меня были лекции после обеда, поэтому отработав утреннюю смену, до 12 часов, я поспешила в колледж. После второй пары, телефон, поставленный на беззвучный режим начал вибрировать в кармане. Я отложила надкусанный бутерброд, который ела сидя на скамейке под деревом во внутреннем дворике и посмотрела на имя абонента.

Дон.

Очень не хотелось отвечать, но так безобразно я поступить не могла.

– Да, – сказала я в трубку.

В ответ мне была тишина и тяжелый вздох:

– Девочка, что же ты творишь? – голос у мужчины был усталый.

Я покраснела:

– Прости меня. Тебе что-то будет из-за моего поступка?

Мне было действительно стыдно, т.к. Дон очень много делал для меня и вообще для местной молодежи. На первый взгляд он мог показаться пугающим: плотная фигура в виде шкафа, мускулистая шея и руки. Дон раньше был профессиональным боксером, даже завоевал несколько титулов. А после того, как ушел из спорта, вплотную занялся клубным бизнесом. Ему было около 45 лет, а коротко стриженные под ежик волосы сверкали сединой.

– Да кто и что мне делает! – возмутился он. – Но вот тебе, со своим характером, надо что-то решать.

– Ты прав, я приношу всем только неприятности, – сказала я помрачнев.

– Какие там проблемы, от такой пигалицы! – уже засмеялся мужчина в трубку. – Слушая, я звоню тебя предупредить. Сегодня ко мне заходил менеджер той группы, которая вчера выступала, и спрашивал про тебя.

«Ну вот...»

– Он, конечно, уверял, что просто хочет поговорить, но не верю я этим блестящим галстукам, так что, твой телефон я отказался ему дать.

Я выдохнула.

– Спасибо, Дон.

– Ты погоди, стриж. Меня во время разговора отвлекли и мне показалось, что он в это время мог залезть в карточки сотрудников, поэтому будь осторожна, хорошо?

Я замолчала, обдумывая услышанное:

– Хорошо, я тебе очень благодарна. Ты словно моя добрая фея-крестная!

Дон хрипло рассмеялся:

– Вот уж и в тетку в бальном платье записала! Ладно, береги себя и не пропадай.

– Спасибо еще раз и до связи.

Я старалась смеяться, но на душе стало очень беспокойно.

«Что они от меня хотят? Отомстить? Подать на меня

в суд?»

Я быстро доела хлеб, не ощущая вкус, запила водой из питьевого фонтанчика рядом и поняла, что не смогу пойти на оставшуюся лекцию. Все равно буду сидеть и трястись.

Я собрала все вещи в просторную сумку через плечо и направилась к воротам кампуса. Подозрительно посмотрела на припаркованные на улице машины, потом сама же над собой из-за этого хмыкнула и повернула к автобусной остановке.

– Хлоя, постойте! – раздался сзади голос.

Я не стала оглядываться, а только ускорила шаг.

– Хлоя, мне надо с вами поговорить! – шаги все приближались, и скоро мне на плечо опустилась рука.

Я остановилась и резко развернулась, готовясь дать отпор... хоть какой-нибудь.

Напротив меня стоял тот самый мужчина в костюме из клуба, и я непроизвольно посмотрела на его галстук, вспомнив слова Дона. Ткань действительно была блестящая, с узором в виде японских карпов.

«*Кои*» – всплыло название рыб в голове.

– Я не хотел вас пугать, но это был единственный способ: дождаться вас около входа.

Я посмотрела мужчине, точнее молодому человеку в глаза и коротко спросила

– Зачем?

Его серо-голубые глаза смотрели ровно, даже дружелюбно.

«Профессиональный взгляд?»

– Это касается вчерашнего вечера...

– Что? – я грубо хмыкнула, ощетинившись. – Мои слова смертельно ранили чьи-то чувства? Но я сказала то, что действительно думала в тот момент.

Молодой человек вздохнул:

– Да я думал также тогда.

Его фраза заставила меня удивленно на него посмотреть.

– Вот только мои слова, – он продолжил, – не имели никакого воздействия, а после вашего ошеломляющего выступления, – мужчина улыбнулся, вспомнив подробности ситуации, – Юджин поднял свой зад, как вы выразились, и шикарно провел концерт, с отдачей, с вдохновением.

– Боюсь, я немного не понимаю... – ответила я неуверенно.

– Да, простите. Я не представился. Вот моя визитка.

Я взяла протянутую мне карточку и прочитала:

– «Хэзл О`Райли. Менеджер, продюсер».

И подняв обратно глаза на молодого человека, спросила:

– Очень приятно, конечно, Хэзл, но я все равно...

– Я хочу предложить вам работу, – прозвучал резкий ответ.

– Что? Какую работу?

«Это уже было слишком».

– Мне нужен такой человек, как вы, в качестве помощника Фокса, то есть Юджина.

Я вспомнила избалованное детское лицо и уточнила:

– Вы хотели сказать, что вам нужна нянька?

Хэзл замялся:

– Да, вы правы, но я ни разу не видел такого эффекта! Послушайте, я уже нанимал к нему огромное количество людей, в итоге, девушки оказывались в его постели...

– Хм, – я не удержалась от ироничного фырканья.

– А с мужчинами, так вообще ничего не выходило. Он постоянно срывает репетиции, съемки, просто не является, но если с ним будете вы...

– Хэзл, пожалуйста, – перебила я речь молодого человека. – Я не буду нянькой у взрослого капризного парня!

И развернулась, чтобы уйти.

– Вы не понимаете! – менеджер схватил меня за предплечье, останавливая. – Он не такой, как кажется. Он гений! Да, звучит глупо, – подтвердил Хэзл, увидев мой взгляд. – Но это так. Юджин с детства играл на фортепиано. Не напрягаясь, получал первые места на всевозможных конкурсах и он бесконечно талантливый композитор и автор текстов.

Мужчина перевел дыхание:

– Песни, что он пишет, его музыка, это... Но он совершенно безалаберный, и я бы сказал, не от мира сего, иногда. Особенно раздражает то, что Юджин даже не представляет, на что способен, на самом деле!

Недоверчиво выслушав эмоциональную речь менеджера группы, я ответила:

– Простите, но мой ответ не изменится. Я тоже живой человек.

Молодой человек забрал у меня из руки визитку и достав из кармана пиджака ручку, что-то написал на карточке и вернул мне ее обратно.

Я посмотрела на синюю цифру с нулями.

– Это будет ваша зарплата в неделю. Но, конечно, вам придется жить у него. О, нет, не волнуйтесь! Там большие двухэтажные апартаменты, можно потеряться.

«Если это за неделю, то, какая сумма будет за месяц!»

Визитка начала подрагивать в пальцах.

«Я смогу отдать долг за учебу. Я отправлю деньги родителям, лекарства... Но, почему такое ощущение, что мне предлагают продать душу?»

– Я понимаю, что мое предложение выглядит как авантюра, но, пожалуйста, подумайте, Хлоя. Я буду ждать вашего звонка.

Я почти не заметила, как мужчина ушел обратно в машину, оставив меня одну.

Сумасшедшие деньги! Но они бы решили все мои проблемы. Вот только стоит хорошо подумать, почему мне их готовы платить.

«Да, подумать».

«С другой стороны, я ведь могу просто попробовать. Скажем, одну неделю».

Я размышляла об этом до позднего вечера, сидя в темной комнате за столом. Лампочку я так и не купила, выбрав вместо нее, булочку с маком. Возможно, это меня и подтолкнуло.

Решив, что человек связанный с шоу-бизнесом не может спать в такое время, я решительно набрала номер. Мне практически сразу ответили, и я произнесла одну фразу:

– Я согласна, Хэзл.

Нет, все не было настолько патетично. Потом, мы обсудили все подробности и условия. В любом случае, мне надо было продолжать учебу, но Хэзл уверил меня, что я не должна буду постоянно находиться при Юджине. Главное, следить за тем, чтобы он появлялся на репетициях, концертах и во всех тех местах, которые мне будут отправляться в виде расписания на день. Я так поняла, что мы будем передавать певца из рук в руки друг другу, словно драгоценность или тухлое яйцо. Простите, мысли вслух.

На следующий день, я уже не пошла на работу в кафе, чтобы спокойно собраться, хотя со всех вещей получилась небольшая спортивная сумка. Я никогда не гонялась за модой, одежда у меня была практичная, и как бы сказать, прочная, чтобы служила дольше.

Нет, я не была совсем уж «синим чулком». Обычная, в меру симпатичная девушка. В последнее время довольно худая, сами понимаете почему. Еще мне говорили, что у меня красивые глаза, если кто-то все же обращал на меня внима-

ние. Да я и не стремилась быть замеченной, не до того.

Волосы у меня светло русые, тонкие и пушистые с одной стороны, как одуванчик, но густые, а около лица завиваются в небольшие колечки. Все это безобразие я обычно убираю в простой пучок или в своеобразную фигурку на макушке, закалывая двумя длинными деревянными кисточками или карандашами. Я не художник. Они остались у меня от другого человека. Не хочу говорить об этом.

Квартиру я пока оставила за собой. Перекрыла вентили с водой на кухне и, посмотрев в последний раз на пустые стены, поехала в колледж. Вечером Хэзл обещал меня встретить и отвезти в квартиру Фокса.

Мы подъехали к стеклянной высотке в центре города. Это был дорогой район, для деловых и обеспеченных людей. Внизу нас встретили несколько серьезного вида охранников. По всем углам висели камеры наблюдения. Хэзл оставил мои данные на посту, которые сразу же внесли в навороченный компьютер, вместе со сделанной тут же фотографией.

Я поморгала от яркой вспышки.

Затем, мы, наконец, подошли к лифту. По дороге Хэзл передал мне комплект ключей, объяснив, что от чего.

– Вы мне слишком доверяете, вам так не кажется? – спросила я, пока мы поднимались на какой-то нереальный этаж.

Но менеджер только рассмеялся:

– Хлоя, поверьте, в случае чего, вы даже выйти из здания

не сможете.

Я промолчала.

«Буду иметь в виду».

У меня не было страха перед предстоящей встречей, ведь тяжело бояться того, кого ты почти не уважаешь. Двери открылись, и перед нами показался коридор с единственной дверью впереди.

– Нам сюда, – сказал Хэзл и пошел первым.

Затем, я под его руководством попробовала сама открыть-закрыть и снова открыть замок. Но, как оказалось, чаще всего, двери оставались незапертыми, так как ключи хозяин терял быстрее, чем их снова для него изготавливали.

Мы вошли и Хэзл громко позвал:

– Юджин!

Послышалось шлепанье босых ног по паркету и к нам вышел тот парень, на которого я накричал в клубе. Он оказался высоким, модельного телосложения.

«Вот создает же природа иногда! И внешность и талант. Хоть падай и рыдай от зависти! Шучу, конечно».

На босые ноги наезжали чуть припущенные с бедер черные джинсы. Однотонная футболка горчичного цвета. На руках браслеты, но их меньше, чем на концерте. Пряди надо лбом собраны в смешной хвостик, открывая высокий лоб. А вот лицо...

Наивные открытые глаза, яркая свободная улыбка и весь

этот «мальчик» просто светился дружелюбием:

– Хлоя! Я так рад, что Хэзл тебя нашел!

«И с чего бы ты так рад, мне интересно?»

Ему действительно было 25 лет, но в свои девятнадцать, рядом с ним, я ощущала себя умудренной опытом старушкой, которая пришла полюбоваться на внука.

Молодой человек приглашающе махнул рукой:

– Пойдемте же скорей!

Глава 3

Как и говорил Хэзл раньше, эта квартира-студия была просторная и двухэтажная. Небольшой коридор привел нас в огромную гостиную, совмещенную с кухней. Посередине стоял длинный удобный диван бежевого оттенка, рассчитанный на многочисленных гостей и невысокий стеклянный стол перед ним. Из высоких окон во всю стену открывался панорамный вид на город. А около самых окон блеснул черный лакированный рояль с открытой крышкой. На рояле белели разбросанные в беспорядке листы с рукописными нотами. С левой стороны уходила лестница на второй этаж, где располагалась спальня хозяина.

Мне определили комнату на первом этаже, напротив. На кухне, за барной стойкой, виднелось много самой разнообразной техники, но, судя по их первозданной чистоте, никто особо этим не пользовался. Я взглянула на большой серебристый холодильник и спросила:

– Кухней можно будет воспользоваться?

Мужчины сначала удивились, но потом Хэзл очнулся:

– Да, я сейчас же попрошу водителя привезти продукты. Юджин обычно, или что-то заказывает или ест вне дома, если вообще, вспоминает, что надо поесть.

Молодой человек выслушал оценку на себя с той же обаятельной улыбкой и сказал:

– Я действительно рад, что не буду больше здесь жить один.

Еще раз осмотревшись, я подумала, что для одного здесь действительно слишком просторно.

Хэзл бросил взгляд на наручные часы и присвистнул:

– Все, Юджин, тебе пора собираться, а то мы опоздаем на выступление.

Но тот скривился в ответ:

– Нет, не хочу никуда ехать, тем более Хлоя только пришла.

Я сурово глянула на молодого человека и строго ему сказала:

– Не заставляй себя ждать. Быстро переодеваться!

Юджин посмотрел на меня огромными разнесчастными глазами, но практически бегом унесся по лестнице в свою комнату.

Хэзл покачал головой:

– Не понимаю, как вам удастся.

Я с удивлением взглянула на мужчину рядом.

– Управлять им, – пояснил он, кивая на лестницу.

– Да я никем не управляю, – ответила я, немного подумав. – Просто озвучиваю ему единственный вариант развития событий.

Хэзл только хмыкнул. Мы еще о чем-то поговорили и через десять минут послышались звонкие шаги по ступенькам. Я подняла глаза и чуть ли не охнула, поскольку Юджин со-

вершенно перевоплотился и теперь полностью соответствовал своим фотографиям.

Молодой мужчина уверенно и слегка лениво, с грацией пантеры спускался вниз. На губах легкая усмешка. Волосы, уже без резинки, свободно обрамляли лицо легкими волнами. Укороченная кожаная куртка, небрежно распахнутая и глубоко открывающая красивые ключицы. На джинсах звенели каскадом прицепленные к поясу цепи.

К этому человеку я бы уже ни за что не подошла. Но теперь были понятны восторженные крики фанаток.

«Как он это делает?»

– Ну, вот и отлично, – с явным облегчением прокомментировал Хэзл появление исполнителя и они отправились к выходу.

– Юджин, ты ключи от дома взял? – спросила я уже в спину.

Все-таки с открытыми дверями было неудобно, несмотря на охрану внизу.

Парень обернулся и его лицо мигом преобразилось обратно.

«Да как он это делает?!»

Хотелось мне закричать, когда я смотрела на то, как он неловко хлопает себя по всем карманам. Пантера исчезла.

– Я не знаю, где они, – растерянно произнес он наконец.

– Ладно, – сжалилась я. – Но в следующий раз, возьми их, пожалуйста, с собой.

– Ок, – вдруг ответил Юджин низким, красиво окрашенным голосом и щелкнул пальцами в моем направлении, подмигивая как своей малолетней фанатке.

Я нахмурилась:

– Еще раз так сделаешь – побью!

Хэзл прыснул и, прихватив смущенного певца за плечо, увел того из квартиры.

Неожиданно, я осталась одна, в полной тишине. Никто не ругался из-за соседней стены, не стучала по голове музыка соседей. Я опрокинула голову назад: с потолка свисала изящная, многоярусная серебряная люстра в современном, лаконичном стиле.

«Неужели это я? Это я здесь стою, и буду здесь жить?»

Подняв свою сумку и выключив свет в гостиной (привычка экономить на электроэнергии), я отправилась осматривать свою комнату. После гостиной она казалась небольшой, но это было только первое впечатление. Светлые стены, просторный гардероб.

«Хм, у меня столько вещей нет».

Мягкая кровать, черно-белые фотографии на стенах.

«Хорошо, что не картины. Я их большие не выношу».

И ванная! Своя собственная, идеальная ванная с душевой кабиной, чистая, сверкающая! Я приложила к лицу розовое махровое полотенце.

«Пахнет цветами...»

И вместе с ним опустилась на корточки. В голове была пустота, как будто я бежала длинный марафон, из последних сил, и теперь, сама того даже не осознавая, неожиданно финишировала.

На ночь я закрылась изнутри и благодаря улучшенной изоляции во всех комнатах, для того чтобы Юджин мог музицировать в любое время. Во сколько он вернулся с концерта, не слышала. Кстати, когда Хэзл вечером рассказывал мне про то, как здесь специально устанавливали изоляцию, Юджин совершенно искренне удивился:

– Неужели, моя игра кому-то может помешать?

«Угу, в два, в три ночи...»

Мы с менеджером только переглянулись и не стали комментировать наивное заявление артиста, характер которого все больше вырисовывался.

Утром, я проснулась по привычке рано, немного понаслаждалась мягкостью кровати, а потом сразу потянулась за телефоном, чтобы проверить, было ли прислано расписание на сегодня.

Да, Хэзл работал четко и файл уже светился на экране.

Приняв душ, одевшись и соорудив гульку из волос, я отправилась на кухню. На столешнице были разложены упаковки с крупами, пачки со спагетти, печенье, мука, длинные батоны ароматного домашнего хлеба. Я заглянула в хо-

лодильник.

Ох, мамочки, он был полон!

Колбасы, сыры, натуральные йогурты, фрукты, овощи. Глаза разбегались. Словно, свой продуктовый магазин. В морозилке также светились яркие упаковки.

Постояв немного ощущая прохладу, я закрыла холодильник и присела на высокий барный стул. В серебряной дверце размыто отражалось мое растерянное лицо и торчащие кисточки из пучка на макушке.

Я улыбнулась, глядя на себя: словно сиротка в барском доме.

«Все, хватит нюни распускать. За работу!»

Обновив эту совершенную кухню, я посмотрела на часы. Уже девять. В десять начинается репетиция, нам ехать где-то двадцать минут. Пора поднимать спящего принца.

Я вытерла руки полотенчиком и пошла вверх по лестнице. Дверь в его комнату стояла нараспашку. Хоть я и направлялась его будить, но почему-то, не могла заставить себя идти не на цыпочках.

Комната была выполнена в стильных серо-черных тонах, как и положено рок-звезде. Скомканная одежда, конечно, валялась и на стуле, и на полу. В этом я и не сомневалась. Большую часть пространства занимала двуспальная кровать, на которой, скрывшись в одеяле, и посапывал молодой человек.

Я решила и позвала:

– Юд-жи-и-н...

Ноль реакции. Ладно, прибавим громкости.

– Юджин! Пора вставать.

В ответ мне что-то булькнули в подушку и слегка отмахнулись рукой, как от мухи. Я приподняла бровь: со мной этот номер не пройдет! И схватив за ближайший край одеяла, резко потянула на себя. Стоило мне это сделать, как мы оба закричали в голос:

– А-а-а!

– А-а-а!

– Ты почему спишь голый?

– А как я должен спать в своей постели?!

«Вот уж, чего я совсем не хотела видеть!»

– Неважно, – я быстро отвернулась и сложила руки на груди. – Давай, умывайся, и пойдем завтракать. Нам скоро выезжать на репетицию.

Сзади прощуршало одеяло, и раздался возглас:

– Что! В такую рань! Я никогда во столько не встаю.

– Но, у вас ведь репетиции всегда в 10 часов, разве нет? – немного удивилась я.

– Ну... – замялся Юджин. – Может быть. Я за временем не слежу и приезжаю, как получится.

«Вот ведь! Кто из вас любит пофигистов?»

– Непозволительно подводить всю группу! Жду тебя внизу, – не дружелюбно отозвалась я и пошла спускаться по

лестнице.

Я накладывала яичницу в тарелку и, не поворачиваясь на раздавшиеся шлепки по полу, спросила:

– Чай или кофе?

Юноша вздохнул, усаживаясь на стул, и удрученно ответил:

– Кофе. Сейчас только кофе.

Я добавила к содержимому поджаренный бекон и пушистый тост, из обжаренного хлеба, вымоченного в молоке с яйцом. На столе уже стояла тарелка с нарезанными помидорами и свежий сок в бокале.

Увидев перед собой свой завтрак, парень заметно оживился:

– Ты сама все приготовила?

– Да, – хмуро отозвалась я, еще не отойдя от его побудки.

– Для меня?!

Его изумленная интонация заставила меня повернуться:

– И для тебя и для себя. Что тебя удивляет?

Юджин с интересом крутил тарелку, рассматривая ее содержимое. Сегодня он убрал волосы под обруч, которые еще немного блестели после умывания.

– Это... так непривычно, – вынес он вердикт.

Я достала чашку из кофе-машины и подвинула ее к юноше.

– Ешь, просто ешь. Хорошо?

– Угу.

В этом его не пришлось уговаривать.

Убравшись после завтрака и захватив сумку с учебниками, мы спустились вниз на стоянку, где нас уже ждал водитель в машине. Он ничего нам не сказал, только сверкнул темными очками и уточнил:

– Студия?

– Да, студия, – подтвердила я и мы тронулись.

Сама студия располагалась в неприметном здании, наверно, чтобы не беспокоили поклонницы. По обе стороны длинного коридора расходились двери с табличками: Зал для совещаний, Переговорная, Звукозапись, даже Душевая. Мы дошли до кабинета с табличкой «Зал для репетиций №2» и вошли внутрь.

Что вам сказать? Наше появление по произведенному эффекту было подобно взорвавшейся бомбе.

Внутри уже настраивали свои гитары остальные участники группы, и, судя по их округлившимся глазам, нас никто здесь не ожидал увидеть. Я вчера посмотрела официальную информацию на сайте «Фоксов», чтобы понимать с кем сегодня столкнусь.

За ударной установкой сидел довольно смуглый молодой человек с короткими черными волосами и с удивительно синими, яркими глазами. Санму, у него были индийские корни. Но, судя по цвету глаз, кто-то из родителей был евро-

пейцем. Интересно. В Индии, такое не приветствуется. Как я поняла по фотографиям и записям выступлений, он никогда не проявлял эмоций. Абсолютная сдержанность.

Дальше: два гитариста.

Шеннон, высокий длинноволосый блондин, с внешностью северного эльфа. Всегда немного грустный и загадочный. Наверно, это сценический образ. Но, на сцене, смотрелось очень эффектно, когда он с тонким лицом, как с картин Рафаэля, вдруг начинал невозмутимо исполнять яростное гитарное рок-соло.

И последний: бас-гитарист Райк. Это пламя и страсть группы. Славился своими романтическими похождениями и необузданными эмоциями. У него была самая накаченная мускулистая фигура, которую он всячески демонстрировал; несколько татуировок на руках, в виде готических браслетов и пирсинг в ушах. Его прическа менялась довольно часто, сейчас он ходил с наполовину выбритой головой, а на другой стороне спускались, наоборот, удлиненные пряди, кончики которых были покрашены в зеленый цвет.

Вот такая компания.

– Юджин! – послышались удивленные крики.

– Что ты здесь делаешь?

Певец надулся:

– Что значит, что я здесь делаю? Собираюсь репетировать, конечно!

Его слова вызвали откровенный смех, а я с укором по-

смотрела на молодого человека.

Райк отложил свою гитару и подойдя к нам, приобнял меня за плечи одной рукой:

– Так-так, это та самая мышка, превратившаяся в дикую кошку. Как насчет того, чтобы сходить куда-нибудь вечером, только вдвоем?

Я понимаю, что это у него спортивный интерес «юбочника» и желания меня смутить, но мое лицо непроизвольно сложилось в гримасу отвращения, словно я увидела нечто омерзительное и, скинув его руку с плеч, я ответила ровным голосом:

– Не в этой жизни!

Райк сделал удивленные глаза, не веря в открытое непризнание его сексуальности и привлекательности, и процедил:

– А не слишком ли много гонора, для такой малявки, с пучком?

«Prrrr...»

Я засверкала глазами:

– А не слишком ли много железок в ушах, для мужчины?

Шеннон, со смехом глядя на обиженного друга, поспешил вмешаться:

– Хлоя, простите нас. Мы рады вас видеть, правда. Хэзл вчера рассказал о ваших способностях и это очень обнадеживает. Учитывая прибытие Юджина.

Тот, вешая куртку на крючок, недовольно обернулся:

– Можно подумать, я здесь вообще не бываю!

Райк громко фыркнул, подхватывая гитару и накидывая на себя ремень:

– Ага, как снег летом.

– Буду в общем зале, – сказала я, не желая дальше участвовать в словесных баталиях и вышла, плотно закрыв за собой дверь.

Сзади слышались приглушенные первые аккорды.

Глава 4

Я побродила немного по студии, заглядывая в свободные кабинеты, чтобы иметь представление о том, что где находится. А затем вернулась в зал для отдыха и, достав учебники, начала готовиться к экзаменам. Время пролетело незаметно и, когда я подняла глаза, уже было почти три часа.

«А ведь никто не обедал» – мелькнуло в голове.

Я поискала в Интернете контакты фирм, занимающихся доставкой еды, и сделала большой заказ на всех. Сложно, конечно, руководствоваться только своим вкусом, но не буду же я из-за этого прерывать репетицию.

Через 40 минут я уже рассчитывалась с курьером деньгами, которые Хэзл оставил на хозяйственные нужды. И только я занесла пакеты в комнату, как двери распахнулись и внутрь ввалилась вся группа «Фокс» в полном составе, о чем-то переговариваясь и хохоча по дороге. Они выглядели действительно счастливыми, но чем они там занимались?! Их можно было выжимать, такое ощущение, что они не играли или пели, а все это время скакали словно мячи, отскакивая от стен.

– Вы вовремя, – подала я голос. – Пора обедать.

Они ненадолго замолчали, удивленно посмотрев на меня, но потом снова заговорили наперебой:

– О, круто!

– Помираю с голода!

– Только сначала вы все идете в душ, – закончила я фразу. – В таком виде за стол садиться нельзя.

Это заявление ввергло их в небольшой ступор.

– У вас ведь наверняка здесь есть запасная одежда? – предположила я. – Не так ли?

– Да, есть, конечно, – откликнулся первым Шеннон. А потом засмеялся, посмотрев на остальных ребят. – Видок у вас и, правда, так себе!

Пропитанные потом футболки, слипшиеся волосы.

– На себя посмотри! – огрызнулся Райк и повернулся ко мне с улыбочкой. – Ну что, крошка, потрешь мне спинку?

«Вредность не лечится».

– Если только железной щеточкой, – спокойно парировала я и помахала на них рукой. – Давайте, давайте!

Санму невозмутимо вышел из комнаты, даже не вступая в беседу. Я еще ни разу не слышала его голос.

Ладно, успеется.

Я разложила приборы на столе и достала обжигающие упаковки с едой. Пока все складывается удачно: сейчас пообедаем и я поеду на учебу, передав Юджина менеджеру, который обещал скоро подъехать.

Вскоре ребята вернулись, распространяя запах шампуня и терпкий аромат мужского геля для душа. Мы расселись вокруг стола, подвинув ближе диванчик и собрав все стулья.

– Что это? – недовольно спросил Райк, открывая крышки

на лотках с едой и заглядывая внутрь. Сейчас его мокрые пряди казались темно-изумрудными.

– Первое, второе, а там – овощной салат, – ответила я, указывая рукой.

– Фу, лучше бы пиццу заказали, – буркнул гитарист, отодвигая тарелку.

– И пицца и гамбургеры оседают на твоих боках. Тебе оно надо? – поинтересовалась я не без иронии.

– Да какие бока! – взревел Райк, вскакивая со стула, задирая футболку и демонстрируя пресс. – Ты это видела? Это называется идеальное тело!

Я театрально прикрыла себе глаза ладонью со словами:

– О, нет! Я ослепну от внеземной красоты! Помогите, кто-нибудь!

Все засмеялись, усаживая покрасневшего гитариста на место, чтобы приступить, наконец, к обеду. Парень демонстративно откинулся на спинку стула, перекрестив руки на груди.

Я вздохнула, но постаралась уже спокойно объяснить:

– Райк, пожалуйста, заботься о своем здоровье, ешь здоровую пищу. Ведь все, что ты ешь, отражается на тебе и на твоём теле. Раз ты поддерживаешь себя в хорошей физической форме, то делай это комплексно. Ты делаешь это не только для себя, но и для поклонников.

Гитарист скривился, но подтянул к себе тарелку с первым.

«Словно дети, честное слово».

Все уже почти доели к тому времени, когда Хэзл приехал и с немалым удивлением воззрился на дружные посиделки вокруг стола. Четверо взрослых молодых людей, склонившись, мирно стучат вилками по дну тарелок.

«Популярная рок-группа...»

Менеджер лишь приподнял брови, но ничего лишнего не сказал. Я поднялась, забирая свою сумку:

– Со всеми прощаюсь на сегодня. Была рада познакомиться. Юджин, слушайся Хэзла, и не отлынивай от репетиции.

Все похмыкали над моментально надувшимся певцом, который пытался опровергнуть «нелепые обвинения и неуважительное отношение к...». Я не стала дослушивать, а, улыбнувшись всем еще раз, поехала в колледж.

«Наверно такие ощущения испытывает насадка, когда вхохчет над цыплятами. Над всеми цыплятами».

Даже не верится, что всего один день прошел, думала я вечером. словно маленькая жизнь.

Хоть я сегодня и не работала как раньше в кафе, но устала очень сильно. Даже не понятно, почему так. Я невозмутимо прошла мимо охранников, подозрительно на меня покосившихся из-за своей стойки.

«Конечно, я ведь не вписываюсь в обстановку. Ну и ладно».

Поднялась на лифте и толкнула дверь. Открыто. Как все

же беспечно!

Юджин сидел за роялем, одной рукой ероша себе волосы, а другой что-то правя карандашом в нотном листе. Услышав мои шаги он сразу обернулся и приветливо улыбнулся.

«Я разучилась... так улыбаться».

– Хлоя, наконец, ты пришла! Я написал песню и хочу, чтобы ты ее послушала.

Немного неожиданно. Я послушно села на диван ничего особенного не ожидая. Хотелось поскорее лечь спать.

Его профиль вдруг как-то изменился, стал серьезным, взрослым. Он поднял руки округлым движением и опустил их на клавиши. Я не замечала раньше насколько красивые у Юджина кисти, длинные пальцы, артистичные. Худые запястья.

И вот эти пальцы забегали по клавишам, начиная первый проигрыш, а потом он запел.

«Господи, действительно восхитительно запел!»

Песня, неожиданно для меня, была лиричная, а в припеве звучали такие слова:

*«Хотя между нами целая жизнь,
Услышь мой голос,
Просто услышь мой голос.
Нам больше не страшен*

*Океан так и не сказанных слов,
Услышь мой голос...»*

Заглавная фраза показалась мне смутно знакомой. Теперь я поняла, почему его все и любили и ненавидели одновременно. Невозможно было не восхищаться таким талантом и такой же огромной безалаберностью.

«Красиво... этот рояль, мужская фигура, огни города за окном... Ты бы это обязательно написал, да? Слегка размытыми контурами... Черт!»

Я вернулась в действительность. Юджин закончил играть и, снова став самим собой, посмотрел на меня сияющими глазами:

– Ну, как?

Я мягко и задумчиво улыбнулась:

– Очень красиво.

– Правда? Тебе понравилось?! – парень встрепенулся. – Ты первая, кто ее услышал. Это ведь из-за тебя, я написал эту песню.

– Хм... я не очень понимаю, – начала я говорить.

Но Юджин уже полностью развернулся на стуле ко мне:

– Как же! В тот вечер, когда ты на меня накричала. Между прочим, на меня никто никогда не кричит, – он ненадолго нахмурился, но затем продолжил. – Ты сказала, что все пришли, чтобы услышать мой голос. И это правда! Я забыл, ты понимаешь, я совсем забыл для чего все это делаю. Но после

твоего крика...

«Смотрю, его это сильно задело».

– Я почувствовал такую отдачу от зрителей! Мы были словно единое целое. Я пел для них, а они радовались в ответ. Это было невероятно!

Мы ненадолго замолчали.

– Что ж, – произнесла я. – Теперь вы сможете исполнить эту песню все вместе, да?

– Точно! – закричал Юджин вскакивая. – Надо парням позвонить и ...

– Нет, нет и нет, – остановила я его. – Все откладываем до утра. Имей совесть и не мешай им отдыхать.

– О-о-о, Хлоя, – протянул молодой человек, хлопаясь обратно на стул. – Но ждать так скучно.

– Ты не жди, а ложись спать. Никто тебе завтра валяться до обеда не позволит, – пропечатала я, продолжая улыбаться, и пошла к себе. – Спокойной ночи, Юджин.

«Не всегда голос может быть услышан».

Глава 5

Этой ночью я плохо спала и утром с трудом заставила себя подняться вовремя. Для побудки Юджина я придумала свою собственную систему: вместе с будильником я подходила к его комнате и если он не отзывался по-хорошему, то я начинала трезвонить до тех пор, пока не раздавались ругательства или иногда, стук падающего тела с кровати. После чего я быстро уматывала вниз. Снова лицезреть его голое тело я совершенно не хотела. Пусть простят меня все его фанатки.

За новой песней закрепили название «Услышь мой голос». Все пришли от нее в восторг и с энтузиазмом приступили к подбору музыкальных партий для всех участников.

Хэзл довольно улыбался, говоря, что давно уже не было лирики в их репертуаре.

Наше совместное существование с Юджином продолжалось временами удивлять нас обоих. Однажды, я его заставила сильно задуматься, когда застыла надолго перед открытым холодильником, держась за дверцу. Парень тоже с интересом в него заглянул поверх моего плеча, спрашивая:

– Что-то потеряла?

Я очнулась, и быстро достав пакет молока, искренне ответила:

– Никак не могу привыкнуть к забитым продуктами пол-

кам. Теряюсь немного.

Судя по его глазам, он не понял. Но такие моменты меня только смешили.

Иногда бывали и менее позитивные ситуации. Как-то вечером я сидела в гостиной,

обложившись учебниками по налогам и налогообложению. Мне нравилось, как заходящее солнце заливало оранжевым или малиновым светом все пространство вокруг, отражалось на зеркально блестящем рояле.

Я как всегда надела любимый объемный вязаный кардиган, уже немного растянутый, но бесконечно уютный. Юджин подошел сбоку и пощипал за кончик кисточку, торчавшую из моего пучка:

– Почему ты их так носишь? – спросил он.

– Тебя это не касается, – ответила я достаточно мягко и шуточно, но решительно убирая его руку.

– Хмм... ты очень скрытная, Хлоя, – вдруг сказал он серьезным низким голосом, словно взрослый человек. – И всегда обеспокоенная.

– С чего ты так решил? – спросила я, не отрываясь от учебника.

– Это твоя вечная хмурая складочка на лбу, – продолжил Юджин. – И я вот, например, от тебя ничего не скрываю.

– Я твоей откровенности не искала, – ответила я произвольно, но поняв, что прозвучало довольно грубо, подняла глаза. – Юджин, я не хотела!

Но молодой человек уже уходил к себе.

«И ты не вправе требовать от меня особой откровенности, поскольку, ты только «моя работа» – подумала я, но конечно, никогда бы не озвучила это вслух.

Однажды мы даже умудрились поговорить о любви. Юджин долгое время сидел задумавшись, а потом сказал:

– Мне нравится моя последняя песня, но я хотел бы написать о любви.

Я удивленно повернулась к нему, держа лопатку в одной руке. На сковороде скворчало мясо.

– Ты ведь никогда сам не любил. Как ты собираешь писать о любви?

Мой вопрос был продиктован искренним удивлением и непониманием.

– Что? – взбеленился парень. – Как это не любил? Да у меня столько женщин...

Да, я же еще не говорила. Отдельная тема – женщины Юджина. Их было действительно много, но ни одна не появлялась здесь больше одного раза. Привлеченные его официальным образом, они проводили с ним ночь, а утром, обычно, с ругательствами и размазанным макияжем спускались по лестнице, цокая шпильками, во вчерашних вечерних или клубных нарядах, с гневом и разочарованием обнаруживая утром в постели совсем другого человека, который даже не

помнил их имени.

Я честно предлагала каждой по чашке кофе, но еще ни одна пока не согласилась.

– Юджин, – я выдохнула. – Это совсем не любовь, то, что ты спишь со всеми подряд, даже не пытаясь кого-то узнать лучше. Любовь... – я замолчала, чтобы продолжить тихим голосом. – Это боль, страсть и мука... это и радость и наказание.

Он как-то странно на меня посмотрел и спросил затем:

– И ты ведь не расскажешь, кто был этот человек.

Я засмеялась и повернулась обратно к плите:

– Нет, конечно.

Хотя, я давала себе обещание больше не помнить, не вспоминать, но иногда, тело само меня подводило. Как в тот раз, когда я решила приготовить овощи в вок-сковородке. И задумавшись, по привычке, налила соевого соуса, каплю васаби, посыпала кунжутом и мори. Снова сидевший рядом Юджин, ему нравилось наблюдать за готовкой, сам то он ничего не умел, весело спросил:

– О, ты любишь японскую кухню?

Я вздрогнула и быстро ответила:

– Нет, не люблю.

И посмотрела на булькающее в соусе блюдо.

«Снова этот запах».

– Странно, – протянул парень. – Мне казалось, что ты

много знаешь о Японии, об их культуре.

– Не больше, чем о другой стране, – прохладно ответила я, продолжая перемешивать овощи.

– Вот всегда ты так, – сказал Юджин, слезая с высокого табурета. – Всех отталкиваешь!

Я не повернулась, чтобы он не увидел моего лица.

«Слишком близко... и опасно».

Когда песня была отрепетирована и в течение нескольких дней записана на студии, встал вопрос о съемках клипа, так как Хэзл уверял, что это точно будет новый хит. Он пригласил сотрудничать молодого режиссера, который недавно выпустился из творческого вуза, но еще во время учебы стал известен в специализированных кругах. Первую рабочую встречу решили провести в квартире Юджина. Как я упоминала ранее, диван в гостиной идеально подходил для этих целей.

Режиссер, он попросил называть его Бриан, был подтянутым молодым человеком, энергичным, раскрепощенным, с обаятельным симпатичным лицом. Он пришел вместе с помощником. Нас всех представили друг другу, но на меня мало обратили внимания, видимо приняв за домработницу.

Я скромно села на пуфик недалеко от всех.

Бриан достал из портфеля папку с документами:

– Я еще раз послушал песню, и сделал предварительные наброски. Думаю, что все должно быть сногшибательно и

ярко. Съёмки как во время грозы...

Я удрученно представила себе стандартный музыкальный клип с красиво мокнущими певцами под дождем и с почти голыми танцовщицами на заднем плане.

«Что за чушь получается, песня ведь не о том...»

– А если попробовать так, – сказала я громко со своего места. – Возможно, это история любви одного мальчика к девочке, которые знакомы с самого детства, они соседи, например.

Все присутствующие уставились на странную девушку недоуменно и вопросительно, но у меня в голове уже разворачивался целый фильм.

– Они учатся в одном классе, но девушка пользуется популярностью, а мальчишка, наоборот, смешной, незаметный, в очках, лохматый, занудный отличник, в общем. Несмотря на различия, они друзья. Девушка делится с ним своими романтическими переживаниями, а он никогда не решится даже заикнуться о своих чувствах. И вот, учеба подходит к концу, и она собирается уехать в большой город. Он молчит до последнего и только в день отлета, прибегает в панике в аэропорт. Но уже слишком поздно. Она в самолете, а он понимает, что теряет ее навсегда и бьется в окно, глядя на взлетную площадку внизу. И тут, конечно, крупным планом его лицо и звучит припев. Потом...

Меня никто не перебивал, а я даже не замечала никого вокруг, так живо в этот момент герои виделись в голове.

– А во время всего клипа, надо вставить кадры выступления Фокс в каких-то крутых образах. Тот мальчик решает измениться, начинает учиться играть на гитаре и собирает свою группу. И в конце, мы видим силуэт девушки со спины, которая смотрит клип по телевизору с нашей группой. Конечно, мальчик из ее детства и есть главный исполнитель, то есть Юджин.

Я замолчала и все тоже молчали. И Фоксы и гости.

– Ты все записал? – вдруг спросил немного потрясенный режиссер у помощника, который оказывается все это время строчил что-то в блокноте.

– Ага, – откликнулся тот, дописывая последние строки.

– Простите, я забыл, кто вы? – обратился ко мне с запинкой Бриан.

Но за меня, с яркой улыбкой ответил Хэзл:

– Я вас представлял. Это Хлоя, ассистент группы «Фокс» и личный помощник Юджина. Похоже, что со сценарием мы определились.

Глава 6

Возможно, это подействовали слова Хэзла или моя, как выразился Юджин, «серьезная складочка на лбу», но Бриан легко принял мое присутствие и когда в следующий раз все собрались для обсуждения фотографий актрис на главную роль, то позвал и меня поучаствовать.

Как вы понимаете, такая тема обсуждений вызвала повышенный интерес у всего мужского состава. Фотографии передавались друг другу по столу. Типаж был выбран определенный: девушка должна быть хрупкой, чтобы сойти за школьницу, привлекательной и также решили остановиться на длинных темных волосах.

Я, слегка скривив рот, слушала мужские комментарии о достоинствах актрис.

– А вот эта, ничего!

– Да, и эта очень, даже.

Заметив мое долгое молчание, Бриан обратился ко мне с вопросом:

– Хлоя, а вы что думаете?

Я окинула взглядом фотокарточки на столе и вытащила одну, поближе:

– Эта девушка была бы в самый раз.

Райк недовольно откликнулся:

– Да она совсем неинтересная!

Действительно, остальные женщины на изображениях были более эффектные и яркие.

– Нам нужна именно такая девушка, – пояснила я. – Которую легко можно представить своей соседкой или подругой. Смысл в том, чтобы любая девушка на улице могла увидеть в героине себя.

Все призадумались.

– Да, – наконец согласился режиссер. – Звучит логично.

Следующая встреча, произведшая на меня неизгладимое впечатление, состоялась чуть позже. Все же, весь этот киношно-музыкальный мир был для меня в новинку.

Мы вместе с Хэзлом и Брианом приехали к стилистам-ви-жажистам, работающим с Фоксами, чтобы рассказать им о предстоящих задачах. Их было двое, Марк и Гарт и это были... мужчины, конечно. Но их идеальной формы выщипанным бровям и ровному тону лица могла позавидовать любая девушка. У Марка были абсолютно выбеленные волосы, зафиксированные гелем в виде хохолка, а у Гарта, наоборот, иссиня-черные. Наверно, работают на контрасте.

Ребята стали сразу обращаться ко мне исключительно «Хлоя, детка» и в целом оказались очень забавными и с отличным чувством юмора. И Марк и Гарт имели «зуб» на нашего солиста, поскольку он их всячески избегал и подбор сценических костюмов и последующие примерки превращались в квест «Догони чертова Юджина». Но когда Хэзл уве-

рил их, что теперь все будет иначе, они скривились и пообещали произвести меня в «мастера дзен 8 уровня», если я приведу к ним упирающегося артиста.

Через несколько дней стилисты скинули сообщение, что готовы нас принять. Я собрала Юджина и ничего ему не объясняя повезла на примерку. Честное слово, он ни на что не обращал внимания, вплоть до того момента, как мы толкнули черные блестящие двери и не оказались среди вешалок с яркими вещами на них. Парень попятился, но было поздно. К нам уже приближались Марк с Гартom, пощелкивая большими портновскими ножницами в руках.

– Так, так, так... – протянул Гарт, нехорошо прищуриваясь. – И кто же это у нас тут образовался?

– Наш любимый клиент, кажется, – в тон ему ответил Марк.

Я посмеялась про себя и подтолкнула вперед Юджина в спину, сказав:

– Нам надо по три предварительных комплекта к каждому образу. И сделайте, пожалуйста, фотографии.

Гарт плотоядно засмеялся:

– О, не волнуйся. Мы сделаем... очень много фотографий.

Марк согласно кивнул и щелкнул идеальными зубами в сторону побледневшего Юджина. Тот обернулся ко мне с мольбой:

– Ты ведь меня здесь не оставишь?

Но я была непреклонна:

– Увидимся через два часа. Пока! – и вышла за дверь, успев услышать зловещее:

– Начнем?

Когда я вернулась, Юджин с изможденным лицом валялся в кресле, а стилисты стояли, наклонившись над столом, раскладывая рядами фотографии.

– Ты все-таки вернулась, – слабым голосом произнес певец и поднявшись, сказал что подождет меня в машине.

Я подошла к Марку и Гарту. Они пропустили меня в серединку, начав показывать, что в итоге получилось. Им надо было сделать несколько образов для Юджина: несуразного школьника, его же, но повзрослевшего и наконец, настоящую рок-звезду.

Несмотря на все показательные страдания Юджина, он явно развлекался и на каждой фотографии корчил какую-нибудь рожицу или принимал смешную позу.

Я посмеялась: вот ведь мальчишка!

– Спасибо, чудесно получилось, – улыбнулась я, забирая пачку фотографий. – Передам все Хэзлу и Бриану. Пусть решают.

– О, Хлоя, детка, ты нас просто поразила в самое сердце, – сказал Марк чуть манерно, в своем стиле.

– Да, да, – подтвердил слова друга Гарт.

– Лапа, слушай, мы конечно, понимаем, что ты вся такая

«тигренок», – Марк изобразил на последнем слове пальцами кавычки. – Но раз ты здесь, давай мы подберем тебе что-нибудь более современное. А?

Я оглянулась по сторонам, рассматривая разнообразные и наверно, стильные вещи.

– Хм, спасибо, но... это ведь уже буду не я? – ответила я с улыбкой на их предложение.

Стилисты заметно удивились. А потом Гарт серьезно спросил:

– А какая же ты, детка?

Его вопрос заставил меня задуматься и рассмеяться:

– На самом деле, я очень странная и «бесконечный псих».

Мы вместе еще посмеялись над моим заявлением, и я отправилась к машине, вспоминая по дороге некоторые вещи.

«Да, так ты меня называл... нежно, с улыбкой... «мой бесконечный псих». Тогда я действительно была такой».

Эти воспоминания больше не делали мне больно, а вызывали ностальгию, ведь столько всего нового происходило в последнее время.

Когда все формальности были утрясены, костюмы утверждены, сценарий распечатан и подписан, начались долгожданные съемки. Все происходящее вокруг было удивительно, я не представляла раньше, что съемочная команда включает в себя столько людей: операторы, режиссер, звукоопера-

тор, администратор, помощник режиссера, стилист/гример и неожиданно для меня, я тоже вошла в группу этих людей, как полноправный участник.

Весь процесс не был слишком простым: надо было получать разрешение в администрации города на съемку или мы планировали снимать на улице; надо было рассчитывать прогноз погоды, чтобы все не сорвалось, и держать в голове столько процессов! За это отвечали Бриан и Хэзл.

Из Юджина получился очень забавный школьник. Его умение перевоплощаться восхищало. Окончательно я в этом убедилась во время съемок сцены в аэропорту, где ему надо было отыграть искреннее отчаяние. В этой сцене очень легко было уйти в ненужный пафос или абсолютную ненатуральность. Но когда прозвучала волнующая команда «Камера. Мотор. Начали», Юджин показал такие сильные эмоции, столь запредельную печаль, что я непроизвольно сделала шаг назад, под напором его удивительного таланта. Сцену сняли с одного дубля.

Человек ли он вообще?

Еще очень, в каком-то смысле, интересными получились съемки выступления группы в «крутых» образах. Мы снимали в павильоне, ребята уже стояли на своих местах на фоне стены изрисованной граффити, а Бриан заглядывал в окошко камеры, готовясь дать команду. Но что-то его останавливало.

Он распрямился:

– Не пойму, вроде все круто, но чего-то не хватает.

Я подошла к нему поближе.

– Пресно получается. Не хватает остроты, как при готовке, – попыталась я объяснить свою мысль. – Блюдо должно обжигать, но оставаться вкусным. Смотрите!

Я встала рядом с Юджином. Когда он в официальном образе, к нему было неловко прикасаться, но это ведь, все равно был он.

Я потянула его за ворот кожаной куртки, стягивая ее с одного плеча вниз. Сразу засветилось голое мужское плечо с черной майкой на нем. Юджин иронично хмыкнул глядя на меня сверху, но ничего не сделал.

Затем я подошла к Райку и вздохнула:

– Не думала, что когда-нибудь скажу это. Но не мог бы ты спустить свои джинсы?

У гитариста округлились глаза, и потом он захохотал, опрокидывая голову. Он тоже был в майке, но в светлой и укороченной, с рваными краями. На загорелом теле смотрелось эффектно.

– Райк, пожалуйста, – пыталась я остановить его смех.

– Нет, подожди, – не унимался парень. – Я должен насладиться моментом! Ну, как тебе хочется? Так или так? Или... еще ниже? Может, еще?

Начал он спускать джинсы вниз. Я критически посмотрела на показывающуюся полоску кожи.

– Все, достаточно. Не будем переходить границы, – и направилась к Шеннону.

Райк все продолжал посмеиваться позади, но не злобно.

Второй гитарист уже смотрел на меня с вопросительной улыбкой. Я призадумалась:

– Шеннон, можно мне прикоснуться к твоим волосам?

Молодой человек склонил ко мне голову, с рассыпающимися длинными волосами:

– Прошу.

Я аккуратно собрала светлые пряди с одной стороны и полностью перекинула их на другую, обнажая длинную изящную шею и ухо с сережкой в виде крестика. К нам сразу подбежал Марк со словами:

– О, я доделаю.

Оставался Санму. Я немного склонила вбок голову, смотря на него.

– Санму, как всегда, безупречен, – вынесла я вердикт ударнику.

Молодой человек опустил глаза и заметно покраснел, несмотря на свою смуглую кожу.

«Какой милый...»

– Если только... – промолвила я, заходя ему за спину и немного сдвигая вперед его свободную футболку с большим вырезом, открывая накаченную грудную клетку. – Угу!

И вернулась обратно к оператору и Бриану, спрашивая:

– Ну как?

Стоявший тут же Гарт закивал:

– Да, очень горячо!

Бриан еще раз оценил картинку в камере и скомандовал: «Работаем!». Фоксы заиграли, а оператор начал обходить их сбоку. Потом отсняли еще крупные планы каждого по отдельности, попробовали разные виды освещения. Все это было трудоемко, как и для съемочной группы, так и для артистов.

Когда поздно вечером все уже начали расходиться, Райк, конечно, не упустил возможность еще раз посмеяться надо мной:

– Хлоя, – томным и ироничным голосом начал он. – Я и не знал о твоих желаниях, ты только намеки и...

Но в ответ на его слова, с левой и с правой стороны от меня, выросли две руки, сжатые в демонстративные кулаки. Я оглянулась: это были руки Марка и Гарта, стоявших рядом со мной. Я рассмеялась, и сказал Райку:

– Буду иметь в виду.

Глава 7

Одним вечером, мы уже были дома, неожиданно позвонили охранники с проходной и сказали, что курьер привез посылку и именно для меня. Они уточняли, можно ли его пропустить или я сама к нему спущусь. Я очень удивилась, но влезла в ботинки и поехала на лифте вниз.

Курьер передал мне довольно объемную картонную коробку, но не очень тяжелую. Я расписалась на бланке и поехала обратно, изучая посылку в моих руках. На наклейке было написано от руки размашистым подчерком: Марк + Гарт. Я улыбнулась и прошла в квартиру. Юджин свесил голову со второго этажа:

– Что там?

Но я с таинственным смешком ответила:

– Секрет! – и ушла к себе в комнату. Поставила коробку на пол и уселась рядом, скрестив ноги.

«Как же любопытно!»

На завернутых в тонкую папиросную бумагу вещах лежала небольшая записка:

«Для бесконечного психа! Мы думаем, что этот дизайнер создан для такой, как ты, детка».

И пририсованы две мордочки с белыми и черными волосами. Я достала первую вещь и не смогла удержаться от смеха: это были шаровары, типа вьетнамки, с разными веселыми

нашивками и кучей кармашков. Еще там был сарафан, сшитый из разных кусков тканей, с хвостами вместо обычной юбки и даже комбинизончик, тоже совершенно невероятный в своем безумии, странный и волшебный одновременно.

Кто еще, кроме такого психа, как я, смог бы это одеть?

Я пока не решалась надевать эти вещи, но их присутствие в моем шкафу очень меня согревало. При следующей встрече, я обняла по очереди и Марка и Гарта, шепча им в ушко свое «спасибо», чем сильно удивила всех окружающих. Юджин даже закричал:

– Так нечестно! За что?

Наконец, все съемки были закончены, а клип смонтирован. Фоксы собрались у нас, чтобы вместе оценить получившийся результат. Мы сели в ряд на диване и установив ноутбук на столе, Хэзл нажал старт.

Я смотрела видеоряд и не могла поверить, что это была моя история, та самая, которую я когда-то увидела у себя в голове. Что она ожила, развернулась, понеслась. Клип получился замечательный, светлый, смешной и в то же время страстный. Мы смотрели молча, не отрываясь от экрана и когда он почернел, после окончания, я не могла не сказать вслух:

– Это восхитительно! И я так вами горжусь!

«Что? Это серьезно я сказала? Такую трогательную вещь?!»

Видимо, Фоксы подумали также, потому что Райк сразу отметил:

– Хей! Неужели кто-то в нас поверил?

Я улыбнулась:

– Если только совсем чуть-чуть.

Но гитарист, конечно, на этом не остановился:

– Да, хвали нас еще, еще!

– Все! – я встала и направилась на кухню. – Забираю свои слова обратно.

– Нет, не получится! – со смехом закричал Райк, оборачиваясь ко мне. Все засмеялись вместе с ним.

А на завтра наш клип вышел в эфир, чтобы взорвать все хит-парады и радиостанции. Это был несомненный успех и начало настоящей Фокс-истерии. Телефоны и электронная почта разрывались от приглашений на интервью и участия в фотосессиях. Запросы на проведение концертов от различных клубов, а армия фанаток пополнилась новыми полками.

Хэзл лучился радостью, аки солнце, а ребята, наверно, еще не до конца осознавали происходящие с ними перемены. Но менеджер продолжал держать их в строгости и репетиции не отменял.

Я теперь почти каждый вечер проводила дома одна, наблюдая по интернету, как у Фоксов берут многочисленные интервью, а девушки рыдают на их выступлениях. Зато я спокойно училась.

Однажды, как обычно подъехав в студию на репетицию, я не увидела там Шеннона. Он всегда был пунктуален, и я поинтересовалась, где же гитарист. Хэзл, который сегодня был с нами рассказал, что Шеннон заболел и остался дома. Я немного задумалась и спросила еще:

– А он живет один или у него есть, кто мог бы за ним ухаживать?

Все недоуменно переглянулись и Райк сказал, озвучивая общее мнение:

– На самом деле, Шеннон, никогда не рассказывает о своей личной жизни, но мне кажется, он живет один.

Я поднялась, вешая сумку обратно на плечо:

– Тогда я заеду к нему, узнаю как он и куплю что-нибудь поесть и фруктов, наверно.

Райк фыркнул:

– Пфф, зачем? Он же не маленький, сам справится.

Я покачала головой:

– Так нельзя, я волнуюсь.

И узнав у Хэзла адрес, поехала к гитаристу, зайдя по дороге в магазин.

Дом, в котором жил Шеннон не был настолько навороченным, но тоже с охраной внизу. Записав мои данные в журнал, меня пропустили, и я направилась на поиски нужной квартиры.

Звонка не было и дверь была слегка приоткрыта.

Я недовольно подумала:

– Еще один беспечный, – и вошла внутрь.

Из-за угла раздался хриплый голос:

– Багира, да не кидайся же под ноги, и так голова кружится!

Я поспешила вперед, чтобы успеть поддержать пошатнувшегося Шеннона, в мягкой домашней одежде. Он удивленно вскинул на меня глаза:

– Хлоя? Как ты здесь оказалась?

Под ногами у него крутилась красивая персидская кошка, требовательно мякая в сторону своей миски. В этой квартире гостиная тоже была совмещена с кухней, но была более скромных размеров и, судя по пледу и подушке на диване рядом, Шеннон сейчас лежал именно здесь. Я усадила его на диван и попросила не вставать. Его руки были очень горячие, а щеки пылали температурой.

– Простите меня за беспорядок, но здесь, проще дотянуться до воды и лекарств и я не стал перебираться в комнату, – попытался оправдаться молодой человек. – И Багиру надо покормить...

Язык его заплетался.

– Шеннон, ложитесь. Я все сделаю, не волнуйтесь. Вы приняли что-то от температуры?

Он откинулся на подушку:

– Да, недавно, еще не подействовало. Вон там коробочка. Я посмотрела в указанном направлении. Ладно, хоть один

осознанный поступок.

Затем насыпала кошке еды и поставила ее мисочку на пол. Вид у мадам был недовольный. Но она соизволила откусать.

Я достала из пакета лимоны, несколько апельсинов и упаковку с кусочками курицы, а также немного свежей зелени и хлеб.

Судя по тихому дыханию позади, Шеннон заснул. Я приготовила кислый лимонад, нарезав лимоны, и перелила его в графин и поставила отвариваться куриный бульон, не сразу разобравшись с модной электроплитой.

«Теперь, можно, наконец, оглядеться».

Квартира была очень уютная, светлая, выполненная в бежевых и кремовых тонах. Никакого металла вокруг, только светлое дерево и мягкие ковры. На столике около окна стояли лаконичные рамки с фотографиями, и я подошла, чтобы их рассмотреть. На одном снимке были изображены еще мелкие Шеннон и Юджин. Я уже знала, что они дружат с детства. Их родители были музыкантами и поддерживали отношения всю жизнь. Мальчишки на фотографии были такие смешные: лет наверно, по 9 -10, худые, загорелые, на фоне моря с футбольным мячом в руках.

«Столько лет, они вместе уже столько лет... как он справляется?»

Шеннон зашевелился и открыл глаза. Я опустилась около

него на пол.

– Вы стали бледнее. Это хорошо.

Мы все еще иногда обращались друг к другу на «вы». Он мне казался самым серьезным из всей компании.

– Да, – слабо улыбнулся гитарист. – Я и чувствую себя немного лучше.

У меня в руках осталась та фотография. Я посмотрела на нее:

– Шеннон, как вы можете... так долго... это ведь больно, очень больно, ведь вы его...

Я не решилась произнести последнее слово. Но этого было достаточно, чтобы лицо молодого человека стало испуганным, растерянным.

Да, я не могла не замечать грустные затаенные взгляды, мелькавшую печаль. Это как прохладное облако вокруг. Человек, который сам раньше любил, все это понимает.

Рассмотрев мои глаза, не осуждающие, не наполненные отвращением или гневом, а только бесконечным сочувствием к его боли, Шеннон разгладил напряженный лоб и уже смог грустно улыбнуться:

– Я рад быть его другом.

Осторожно погладив его по плечу, не в силах снять его ношу, я только сказала:

– Спи. Я буду рядом.

«Вот такая сказка, про печального эльфа».

Шеннон снова закрыл глаза, а я прислонилась к спинке дивана.

«Некоторые вещи не исправишь, не поможешь, как бы сильно не хотел».

Заправив готовый и ароматный бульон зеленью, и оставив его остывать, я выключила верхний свет и снова присела на пол рядом с диваном, около подушки с головой музыканта. Было так тихо. Глаза закрылись сами собой.

Когда я проснулась, в комнате было совсем темно. Я включила телефон – на экране засветилось 22.30 и еще куча сообщений и не отвеченных звонков от Юджина. Я оставила телефон в беззвучном режиме. Кошка круглыми глазами следила за мной из-под стола.

Я ей улыбнулась:

– Да не волнуйся ты, я уже уйду с твоей территории.

Приложив ладонь ко лбу молодого человека, чтобы удостовериться, что температуры нет, я оставила ему записку с просьбой пить лимонад, если захочет бульон и утром непременно сообщить о своем самочувствии. Потом также отправила сообщение Юджину:

– «Я еще у Шеннона. Но уже выезжаю».

Затем, оглянувшись вокруг и убедившись, что все в порядке, тихо вышла, вызывая себе такси.

Стоило мне хлопнуть дверью, как передо мной сразу возник Юджин, строго спрашивая:

– И что вы так долго делали?

Я удивленно на него посмотрела, погруженная в свои мысли, и честно ответила:

– Спали.

– Что? – парень оторопел. Я спокойно прошла мимо него и открыла холодильник, чтобы достать упаковку с соком.

Следом вбежал булькающий эмоциями Юджин:

– Ты должна объясниться!

Я устало вздохнула, но продолжила:

– На самом деле нас было трое.

Вот это уже повергло певца в шок:

– И... кто был третьим? – спросил он заикаясь.

Я не торопясь наливала яблочный сок в высокий граненый стакан:

– Еще одна девушка. Но она только наблюдала. Такая скромная.

И засмеялась внутри, вспомнив недовольную мордочку Багиры.

На Юджина было больно смотреть, поэтому допив сок и сполоснув стакан, я все же сказала:

– Шеннон спал, потому что у него температура. Я уснула сидя на полу рядом, а Багира действительно, за нами наблюдала. Но твои настойчивые вопросы были не корректны.

Поставив стакан на сушку, я отправилась к себе в комнату.

– Отшлепать бы тебя... тапочкой, – раздалось сзади.

Но я только улыбнулась:

– Завидуй молча, – и закрыла за собой дверь.

Глава 8

Следующим утром, когда мы завтракали, Шеннон прислал мне селфи с градусником, на котором была хорошая температура и с заглядывающей в камеру мордой Багиры. Я улыбнулась на их дуэт.

Юджин сразу подозрительно на меня покосился, нахмурив прекрасные брови. Я пояснила:

– Это от Шеннона. У него все в порядке.

– Рад слышать, – буркнул певец.

«Ну, вот что он там себе насочинял?»

Кстати, я недавно днем шла по городу и, проходя мимо газетного киоска, заметила журнал с интересной обложкой. На ней был Юджин. Нет, журналов с Фоксами в последнее время было очень много, но на этом крупно было написано: Солист группы «Фокс» рассказывает о своей личной жизни!

Я остановилась и начала пролистывать издание. Как я и думала, само интервью было обычным, но на вопрос журналиста о личной жизни, Юджин ответил, что сейчас ищет свою любовь.

Я немного посмеялась над формулировкой, однако это была правда, в последнее время женщины практически исчезли из его спальни. Я сначала подумала, что это связано с безумным графиком и усталостью, но ответ оказался просто смешным, в стиле Юджина. Заметив однажды, что его лицо

сильно скривилось после того, как он прочитал сообщение в телефоне, а это было на него не похоже, я вопросительно посмотрела на молодого человека. И он объяснил:

– Это от Беллы.

«А, та самая актриса из музыкального клипа. Не знала».

Хоть папарацци подлавливали их вдвоем, но мне казалось, что это пиар-ход. Юджин вздохнул и ухватил себя одной рукой за голову:

– Хлоя, я честно пытался следовать твоему совету, мы ходили на свидания, но она только и делала, что говорила об одежде или пересказывала мне сплетни о своих знакомых. Я так не могу.

С немалым удивлением выслушав его признание, я все-таки рассмеялась:

– Ох, Юджин, ты же не должен себя заставлять! Тебе надо найти девушку, с которой будет легко, волнительно и интересно.

Парень немного обиженно и укоряющее на меня посмотрел:

– Почему то, мне теперь кажется, что это совсем не просто.

Я покачала головой, подумав, что в некоторых вопросах, он остается сущим ребенком.

Через несколько дней Шеннон поправился и вернулся к группе, а я, напротив, проснувшись утром, почувствовала, как ломит косточки и першит в горле.

«Все-таки Шеннон болел чем-то вирусным».

Я заставила себя встать, собрать немного вещей и написала Хэзлу, что заболела и поживу пока у себя, чтобы никого не заразить, затем оставила короткую записку Юджину на холодильнике, на тот случай, если он вдруг, рано проснется, но это было сомнительно, и уехала на свою старую квартиру.

Когда я открыла заедающий замок, держа в другой руке пакет с продуктами и лампочкой, у меня наступил небольшой культурный шок. Контраст между нашими жилищами был очень велик!

Но это подтолкнуло меня на горькую и отрезвляющую мысль.

«Да, ты слишком расслабилась. Вот твоя реальность».

Я открыла ненадолго окно, чтобы проветрить застоявшийся воздух, но зубы начали выбивать чечетку.

Все ясно, температура поползла вверх.

Надев байковую пижаму, я приняла лекарство и легла в постель.

– Бум! Бум! Бум! – стучало в голове.

Что это? Опять соседи что-то прибывают? Но вновь раздавшиеся «бумы» шли от моей двери. Я открыла глаза. Уже наступил вечер.

«Боже, просто уходите! Мне ничего не надо!»

В теле была такая слабость. Но визитер не сдавался. Я вылезла из кровати и, подойдя к двери, заглянула в глазок.

– Юджин?!

Я быстро открыла замок, выглядывая в коридор:

– Что ты здесь делаешь?

Парень стоял в марлевой повязке на лице и изображал пальцами знак «V». У его ног стоял огромный пакет.

– Я специально уехала, чтобы тебя не заразить! – моему возмущению не была предела.

Но он только рассмеялся:

– Смотри, я в повязке! И потом, я почти никогда не болею. Можно войти?

Я попятилась назад, пропуская его в квартиру. Юджин начал оглядываться в полном изумлении и даже присвистнул:

– Ого, так такие места существуют!

Я залезла обратно в кровать и хмуро спросила:

– Какие места?

– Ну... – Юджин подбирал слова. – Маленькие и страшные!

Я не стала отвечать, поскольку ничего приличного в ум не приходило.

Парень взял стул и, поставив его спинкой вперед, оседлал как коня возле кровати.

– Ты плохо выглядишь, – выдал он.

– О, благодарю, – отозвалась я с сарказмом и прикрыла глаза, сев прислонившись к стене и подложив под спину подушку. – Зачем ты пришел?

– Чтобы тебя проведать! – ответил Юджин весело. – Мы

все волновались, вот, смотри!

Молодой человек протянул мне телефон с фотографией всех Фоксов на фоне продуктовых полок с апельсинами в руках.

– Мы вместе пошли в магазин, чтобы собрать тебе передачку.

Я улыбнулась, глядя на их яркие улыбки и поднятые большие пальцы вверх на фото.

– Спасибо, Юджин. Но я, правда, хочу отдохнуть.

– Так, я тебе не мешаю, – задорно сказал он и поставил подбородок на спинку стула.

– Хлоя...

«Словно комарик, честное слово».

– Ммм?

– Я пытался написать новую песню, лиричную, ведь всем так понравилось, но...

– Не думаю, что ты поступаешь правильно, – перебила я парня не открывая глаз. В голове шумело. – Лучше напиши что-то... энергичное, бойкое, не только для девушек, но для всех. Напиши для друзей и о дружбе, какую-нибудь зажигающую композицию. А ее сердцем станет супер крутое соло Шеннона и Райка на электрогитарах.

Юджин замолчал, погружившись в свой мир и вскоре начал нашептывать:

– Все, все, рядом, рядом... Сегодня зажигаем. Ночью этот

город наш...

Его пальцы неосознанно выбивали ритм по спинке стула.

Я открыла глаза и посмотрела на полного вдохновения певца:

– Юджин, пожалуйста, езжай в студию, а? И запиши там со всеми, все, что ты придумал.

Он очнулся и сказал неуверенным тоном:

– Но я ведь только пришел...

– Со мной все в порядке. Иди!

Я проводила его до двери и закрыла замок. Повернувшись, я больно стукнулась ногой обо что-то твердое на полу.

– Это еще что?

Через прозрачный пластик светились яркие оранжевые бока. Огромный пакет с апельсинами. Да здесь полмешка! Я их даже не подниму. И что мне с этим теперь делать?!

А на утро, в телефоне, меня уже ждал аудио файл с демо-записью подписанный: «Попробуй не подпевать!»

Похоже, они играли всю ночь. Я включила трек и по мне сразу ударили электрогитары. Я вздрогнула, но потом оценила. Получилось действительно круто, и я начала тихонько подпевать Юджину в припеве:

– Ночью этот город наш...

Новую песню записали очень быстро, Райк и Санму (хоть последний и не говорил) были в восторге и вкладывались

в эту композицию полностью. Вскоре к нам снова приехал Бриан для разработки плана будущего клипа. Я тоже сидела рядом, и даже не на пуфике.

Режиссёр начал предлагать сложные истории, в стиле прошлой работы, но когда мне дали право голоса, я предложила, напротив, все упростить и использовать записи из хроники, которую вели Фоксы. Я часто замечала, как они снимали на видео репетиции и моменты перед выходом на сцену и еще то, как они друг над другом подшучивали. И довольно часто.

– О! – загорелся Бриан. – Это мысль!

– Также можно, – продолжала я, – поснимать видео людей на улице, молодежь. Давать им послушать новую песню и снимать их реакцию или просить подпеть.

– Да, да! – уже обращался Бриан с блестящими глазами только ко мне. – А поверх будет звучать композиция и еще надо, чтобы было солнце и ...

Послушав наш увлеченный диалог, Райк уточнил:

– Мы здесь вообще, нужны?

Юджин пожал плечами:

– В любом случае, я думаю, получится классно.

Собственно, он был прав. Когда все смонтировали, результат превзошел наши ожидания. Моменты с молодежью на улицах города получились такие искренние и трогательные. Многие, конечно, стеснялись, но, узнав, что они появятся в клипе группы «Фокс», с энтузиазмом соглашались

участвовать. Некоторые танцевали.

Все же, такие кадры специально не снимешь, не сыграешь.

А как мы хохотали, просматривая старые записи, особенно меня порадовало видео с гастролей группы, где, чтобы поддерживать хорошее настроение во время долгих переездов, ребята старательно измывались друг над другом. Мы вставили в клип кадры с разрисованным ночью зубной пастой лицом Райка, с украшенным бантиками и с завязанными хвостиками Шеннона и то, как Санму невозмутимо ходил целый день в ободке с кошачьими ушками на голове, проиграв в каком-то глупом споре. Он в таком виде и расплачивался на кассе в магазине и обедал в людном кафе, но даже бровью не повел. Удивительная выдержка.

Благодаря новой песне группу «Фокс» оценила и мужская часть населения. Теперь под этот трек танцевали в клубах и многие гоняли по ночному городу.

Глава 9

Снова продолжились выступления и репетиции. Вся эта активная жизнь начинала меня утомлять, т.е. было, конечно, интересно, но необходимость постоянно быть нянькой при Юджине, направлять, следить, слушать все его высказанные вслух мысли, казалось, что он успевал быть и тут и там и напоминал энергетический моторчик. Все сложнее было сосредотачиваться на экономических теориях из учебников и бухгалтерских формулах. Я уже с тоской вспоминала свою маленькую квартирку. Поэтому, в одно воскресенье я не выдержала и сказала певцу (у него сегодня тоже был свободный день), что беру выходной и ухожу гулять. Одна.

Он сразу заныл:

– Нет, я хочу с тобой. Мне скучно одному.

Я фыркнула, завязывая кеды:

– Займись чем-нибудь полезным, помой например посуду.

И не слушая дальше его причитания, быстро выскользнула за дверь.

«О, даже не верится! Свобода».

Расслабила я плечи, понимая, что мне не надо больше следить за временем, успевать по графику и подгонять певца. Пойду по магазинам!

Я действительно отдохнула сегодня: посидела немного в

парке, смотря на тихую воду и уток, полистала старые книги на книжных развалах, купила несколько новых кофточек, для тех самых вещей, которые хранились пока у меня в шкафу. Перекусила в кафе, оставив официантке хорошие чаевые.

«Я тебя понимаю».

И уже только под вечер вернулась домой.

– Юджин, я дома! – крикнула я с порога, чтобы понять в каком он состоянии. Мне не ответили. Я, чуть ускорюсь, зашла в гостиную.

Парень сидел за роялем и что-то писал на нотном листе.

«Фух, начала волноваться».

– Я написал песню, – сказал он, не поздоровавшись.

«Дуется».

Я села на диван и приготовилась слушать. Он сыграл мелодичное вступление, а затем запел заунывным голосом, словно мартовский кот:

– Ты ушла-а-а! О, как ты жестока!

Фраза про жестокость повторялась в припеве несколько раз. У меня слегка задергалась бровь. Нет, песня в целом, была восхитительная, если спеть ее нормальным голосом, впрочем, как и все, что творил этот безобразник, и она станет новым хитом. Но вы ведь понимаете, кому и чему она была посвящена.

Когда Юджин закончил играть, я спокойно сказала:

– Красиво. А ты собираешься все мои слова и поступки превращать в песни?

Он, оживившись, повернулся с яркой улыбкой:

– Конечно! Ведь ты моя муза!

– Что? – переспросила я, распахивая глаза.

– Я сразу это понял. Ты меня вдохновляешь.

«Приехали... Не хочу больше быть ничей музой! Никогда!»

Вздыхнув, я поднялась, забирая пакеты с пола, и сказала немного устало:

– Это слишком большая ответственность для меня.

– А еще я посуду помыл! И сварил настоящий кофе, сам!

Последняя фраза заставила меня напрячься и свернуть на кухню, чтобы затем возмущенно закричать:

– Юджин!

Но парень с нереальной скоростью уматывал на второй этаж.

Плиту было проще выкинуть, чем отмыть. Конечно, основную уборку у нас проводили специально нанятые люди (квартира была большая), но оставлять все в таком виде было очень стыдно.

Я предложила главным героем новой истории сделать Санму. Он позволил себе слегка удивиться, но спокойно ска-

зал:

– Хорошо.

Его серьезность отлично вписывалась в замысел. Идея была такая: мы видим квартиру молодой пары. Утром девушка оставляет записку и уходит. А когда молодой человек (это Санму) просыпается, то читает на листке бумаги: «Я ушла...»

Сначала он не понимает, не верит, не желает верить, потом расстраивается и проходит все стадии отрицания. В какой-то момент решает, что все к лучшему, злится и раскидывает ее вещи по всей квартире. Но вспоминает, как все было раньше у них прекрасно, страдает.

А когда вечером девушка возвращается обратно, то видит его сидящим посередине квартиры, находящейся в полном хаосе, и рассматривающим альбом с их фотографиями. Она подходит ближе и разворачивает полностью свою записку, которая просто была сложена: «Я ушла. Вернусь вечером. Купи, пожалуйста, хлеба».

Девушка обнимает героя и, улыбаясь сквозь слезы, спрашивает:

– И где же хлеб, любимый?

Санму справился отлично. Я знала, что под его невозмутимостью скрываются глубокие, яркие чувства. Это было слышно по его музыке.

Уверена, что теперь половина армии поклонниц, навсегда

влюбится в его завораживающие синие глаза, которые обычно прятались за барабанной установкой. Мне кажется, сами Фоксы были немного шокированы тем, как их друг справился с данной работой.

Даже Райк не находил слов:

– Ты... да ты просто... ну, герой, одним словом!

Этот клип мы тоже выпустили в эфир.

Вскоре ко мне незаметно подкралось мое двадцатилетие. Столько времени прошло! Я проснулась чуть позже обычно и, лежа в кровати, разглядывая люстру на потолке, немного поразмышляла на эту тему, вспомнив, как еще не так давно, у меня не было денег, чтобы купить лампочку.

Ничего особенного я на сегодня не планировала и ни с кем не обсуждала круглую дату. Но когда стала одеваться, то вдруг решила: все же красивая цифра, 20 лет! И достала из шкафа сарафан, подаренный мне Марком и Гартон и одну из новых кофточек. Затем натянула смешные полосатые гольфы и дополнила их аккуратными, но цветными кедами.

«Ааа, что за вид!»

Подумала я, но переодеться не стала и вышла из комнаты. Неожиданно для меня, на кухне уже стоял Юджин и расправлял в вазе пышный букет цветов. Услышав мои шаги, он обернулся, чтобы мигом засветиться и закричать:

– Да, да, да! Хлоя! Ты просто читаешь мои мысли! Идеальный наряд!

Я ничего пока не понимая, подошла ближе. Парень начал суетливо расставлять какие-то коробочки по столу и открывать на них крышки. Вкусно запахло едой.

– Во-первых, с Днем Рождения! Во-вторых, мы быстро завтракаем и уезжаем, и ты очень круто выглядишь!

Я присела на стул, немного ошеломлённая его напором и энтузиазмом.

– Юджин, у тебя сегодня репетиция и потом еще стрижка в салоне...

– Пфф! – зашикал он в ответ. – Не смейся меня. Какие репетиции в такой день и не волнуйся, – перехватил он мой взгляд. – Все уже в курсе.

Я звонко засмеялась, оценивая его предусмотрительность:

– Хорошо. Как скажешь.

– Вот! – парень махнул вилкой в мою сторону. – Правильные вещи говоришь.

Оказалось, Юджин заранее сделал заказ в одном кафе и нам на завтрак были предложены сырники, толстые вафли с взбитыми сливками, фруктовый салат, а еще чизкейки и маффины. Угадайте, кто из нас любит сладкое?

После оригинального завтрака у меня все почему-то вызвало смех, наверно, сахар в голову ударил или дело было в сумасшедшем сарафане?

Мы спустились на парковку и заняли свои места в машине. Я даже не пыталась спрашивать, куда мы направляемся, пустив все на самотек.

«А вот в этом, явно были виноваты гольфы!»

Глава 10

Машина немного покружила по улицам и остановилась недалеко от кричащего громкой музыкой парка развлечений. Я выглянула в окошко, там было много людей и неуверенно начала говорить:

– Юджин, тебя сразу узнают и ...

Но он, вдруг, зашевелился рядом, и когда я повернулась обратно, то обнаружила его в матерчатой панаме и ... в полумаске изображающей мордочку цыпленка!

– Что... – я не смогла закончить вопрос, поскольку меня перехватил приступ смеха. – О... зачем... ты так глупо...

Мне показалось, что обычно невозмутимый водитель, также булькнул на переднем сиденье.

– Это конспирация, – сказал шепотом Юджин и открыл дверь. – Пошли!

Я не знаю, кто сегодня из нас двоих выглядел более глупо и смешно, но узнать солиста группы «Фокс» было бы очень сложно. Практически не возможно.

«Ладно, сойдем за представителей какого-нибудь молодежного движения».

Юджин привел меня к американским горкам и взял билеты. Я с опаской посмотрела на конструкцию впереди:

– Юджин, я не очень...

Но он только воскликнул, как всегда ярко улыбаясь:

– Не трать! – и потащил меня к вагончику.

Но перед тем как сесть, певец быстрым движением вынул кисточки из моего пучка и забрал себе со словами:

– Я верну! Потом.

Я нахмурилась, но волосы приятно упали вниз и распушились.

«Простим, пока».

Мы сели на переднее сиденье и пристегнулись. Юджин снял панамку, побоявшись, что она просто слетит и вагончики начали двигаться. Медленно вперед, потом тихонько вверх и застыли на пике. Я сдавленно пискнула:

– Я боюсь таких горок.

Но повернувшись к молодому человеку, увидела, что он был напуган еще сильнее, чем я.

«Что?»

Юджин только успел крикнуть:

– Я тоже!

И мы понеслись вниз, вцепившись друг в друга и одинаково громко вопя:

– А-а-а....!

«Жуть какая! Чертов Юджин!»

– А-а-а....!

Вниз, вниз, а потом, резко вверх, подскочить, задохнуться

и снова, все быстрее, быстрее, почти отвесно падая вниз.

– А-а-а....!

«Нет! Мертвая петля-я-я...»

Когда, наконец, поезд остановился, люди позади нас уже со смехом вылезали из вагончиков. Мы же так и продолжали сидеть, вцепившись друг в друга с лицами, как у жителей загробного мира. К нам подошли работники и попросили удалиться.

На трясущихся и негнущихся ногах, мы кое-как достали свои тела и перетасили их до ближайшей скамейки, чтобы плюхнуться на нее с хорошим хлопком.

– Это была плохая идея, – сказала я, немного придя в себя.

Но, почему-то стало казаться, что те тяжелые, холодные и уже привычные камни в моей груди, вместе с криком превратились в солнечных зайцев и теперь ярко скакали внутри. Странно...

– Да, согласен, – отозвался Юджин и добавил. – Я думал, будет весело.

Я повернулась к нему, изобразив, как бы я его сейчас задушила, но он вдруг, громко захохотал:

– О-о-о, Хлоя! Видела бы ты себя. Словно одуванчик!

Я хмуро попыталась пригладить торчавшие во все стороны волосы, они и так обычно пушатся, но после поездки и вовсе прекратились в шар.

– Замечания от человека-курицы не принимаются, – ответила я ему недовольно.

– Это не курица! – обиженно прогундосил Юджин. – Это... гордый петух!

И в доказательство выпятил грудную клетку и смешно вытянул шею.

Я прыснула, глядя на него. Сердиться было не возможно:

– Ладно. Одевай панамку. Куда дальше пойдём?

Юджин нахлобучил на себя свою темно-серую панаму и прислушался к голосу, идущему из рупора недалеко от нас:

– Торопитесь! Примите участие в забеге со своей девушкой! Кто же из пар справится быстрее?

Певец подскочил и, схватив меня за руку, потащил вперед по дорожке:

– Пойдем!

Организаторы немного изумленно на нас посмотрели, но зарегистрировали в списке пар, обозначив как «чудики». Всех участников выстроили в линию и ведущий начал объяснять первую задачу:

– Молодые люди сажают своих девушек себе на спину и бегут до следующей отметки. Там вы должны взять одну ленту и связав себе по одной ноге продолжить движение.

«Что-то мне это не нравится...»

– Юджин! – повернулась я к парню с надеждой в голосе. – Давай не будем?

Но он уже загорелся и, блестя глазами сквозь прорези в маске, только поторапливал:

– Ты чего! Запрыгивай скорее!

И присел передо мной на землю, повернувшись спиной. Я вздохнула, но времени раздумывать не было, ведущий уже делал красивый взмах рукой и прозвучал свисток.

Я обняла Юджина обеими руками за шею, он быстро подхватил мои ноги и, поднявшись, побежал с боевым криком вперед:

– Эгей-гей...!

Рядом с нами бежали такие же пары, кто смеясь, кто гневно поторапливая своего «коня», но мне кажется, что большая часть зрителей, радостно болели именно за нашу безумную команду, так ярко бросающуюся в глаза.

Не смеяться было не возможно. Я уж не знаю, насколько сзади развивался мой хвостатый сарафан и что было видно, но свистели нам очень бойко. К следующей точке мы пришли вторыми и, быстро соскочив со спины Юджина и схватив зеленую ленту, я связала наши ноги вместе: мою правую и его левую. Мы попытались двигаться вперед. Но чуть сразу не упали, было очень не удобно. Юджин обхватил меня за талию и положил мою руку себе вдоль спины. Но мы все равно спотыкались.

Я сказала:

– Ты шагаешь слишком сильно!

– Просто у меня длинные ноги! – весело прокричал па-

рень. – Слушай мои команды: и раз, и раз, и раз!

Стараясь подстраиваться под его ритм, мы доскакали до следующего пункта. Это были горки, уходящие в бассейны с детскими пластиковыми разноцветными шариками. Я со смехом, придерживая разлетающуюся юбку, скатилась первая и бултыхнулась в море перекатывающихся под руками и ногами мячей. Следом с задорным криком скатился Юджин и, уйдя почти целиком в разноцветную массу, «поплыл» к другому берегу. На поверхности оставалась только его голова в маске цыпленка, и это смотрелось слишком смешно.

Я начала хохотать, задыхаясь, и не могла никак остановиться. Молодой человек вынырнул и повернулся ко мне:

– Хлоя! Пошли дальше, а то проиграем!

Но я лишь между приступами смеха, смогла сказать урывками:

– Ха-ха-ха... да, не важно... ой, не могу, ха-ха-ха...

Юджин посмотрел на меня сначала пристально, удивленно, а потом с какой-то радостной надеждой и нежностью, умиляясь что ли, и тоже засмеялся сидя в шариках.

Мы не стали финишировать, хотя зрители нас всячески поддерживали. Но все уже было не важно. Я стала такой легкой, практически невесомой и продолжала улыбаться.

Потом, мы еще купили воздушную сахарную вату и, криясь друг другу от приторной сладости, продолжали все же ее есть. Побросали дротики, ни разу не попав в цель. Съели по сосиске в тесте, говоря о том, как же это не полезно. За-

тем покатались на детской карусели, оседлав радужных лошадок, вместе с пятилетними малышами, решив, что такой аттракцион нам идеально подходит и усталые, но счастливые поехали домой.

Даже зайдя в лифт, нас время от времени продолжало накрывать волнами смеха и беспричинной радости. Неожиданно, двери лифта открылись раньше времени, не на нашем этаже и перед нами оказался Шеннон с букетом роз и огромной пиццей в руках.

– Шеннон? Откуда? – моему удивлению не было предела.

Он, мягко улыбаясь, прошел к нам и передал коробку с пиццей Юджину:

– С Днем Рождения, Хлоя! – сказал он, протягивая мне цветы.

– Спасибо! – все еще не веря, ответила я и зарылась лицом в ароматные розы.

«Какой нежный запах».

Мы проехали еще несколько этажей и двери лифта снова открылись.

– Райк?!

– Хей, малышка! – ярко улыбался гитарист напротив меня. – В новостях передавали, что у кого-то сегодня День Рождение.

И присоединяясь к нам, протянул мне еще один букет, а вторую коробку взгромоздил на Юджина. Я уже с нетерпе-

нием ждала следующей остановки. И вот двери открываются...

– Санму! – радостно воскликнула я, протягивая руки и затаскивая молодого человека к нам в кабину. Стало тесновато.

Мне вручили третий букет, а охнувший и недовольный Юджин присел под тяжестью еще одной большой коробки с пищей.

Доехав, наконец, до самого верха, мы со смехом вывалились в коридор.

– Эй, а мне никто не поможет? – возмущенно закричал солист сзади.

Мы оглянулись и хором ответили:

– Нет!

Потом мы долго сидели за столом, смеялись над нашими безумными фотографиями в телефоне, которые мы с Юджином делали сегодня в парке. Разговаривали о чем-то, я даже не вспомню о чем, но мне, нет, нам, было очень хорошо вместе.

Таинственно переглянувшись, ребята передали мне яркий конвертик, в котором оказался сертификат от ювелирного салона. Когда я увидела пропечатанную цифру, мне стало страшно:

– Что вы... нет, это...

Но сидевший рядом Райк, просто забросил мне в рот кон-

фетку, останавливая мои возражения, приговаривая:

– Кушай, кушай!

Еще, уже просто от себя, они подарили изящный серебряный браслет с подвесками в виде небольших камешков и сказали, что каждый лично выбирал по одному: голубой сапфир был от Санму, алый рубин от Райка, нежный розовый кварц от Шеннона и золотистый янтарик от Юджина.

Я сразу аккуратно надела на руку браслет, говоря, слова искренней благодарности. Несмотря на яркие непохожие камни, они все сочетались и очень гармонировали с моим нарядом сегодня.

Мы засиделись за полночь, но потом благоразумный Шеннон начал всех поднимать и вести к выходу. Мы весело попрощались в дверях, Райк продолжал что-то еще выкрикивать, наверно, какие-то свои любимые шуточки, но Санму утащил его, взяв за плечо.

Я закрыла дверь и прошла в гостиную. Так сильно пахло розами. И я была очень... очень...

Юджин посмотрел на меня с мягкой улыбкой:

– Устала?

Я слегка кивнула с улыбкой:

– Да, но это... совсем другая усталость.

– Хорошо. Я рад. Спокойной ночи, Хлоя.

– И тебе. И... спасибо.

Мы разошлись по комнатам.

Сев на кровать, я достала телефон. На экране светился пропущенный вызов от мамы. Я, конечно, отправила ей днем сообщение о том, что гуляю с друзьями, но мы договорились позднее созвониться.

«Нехорошо получилось».

Я набрала номер, будучи уверенной, что она не спит. И действительно, мне сразу ответили.

– Привет, мам. Прости, что так поздно.

– Как ты, родная? – голос у нее был очень встревоженный.

– Все хорошо. А что случилось? – я немного напряглась.

– То есть ты не читала... – мама вдруг замолкла.

– Не читала что? Мам, не молчи!

– Нет, нет, забудь! Это я так, просто. Расскажи, как прошел твой день.

Я сделала вид, что все нормально и пересказала немного про мой день сегодня, но в голове уже билась мысль: таким тоном она могла говорить только об одном человеке.

Моя улыбка сползла с лица и исчезла.

Глава 11

Открыв браузер, я набрала в поисковой строке имя. Имя, которое я запрещала себе произносить даже в мыслях. Закрутился шарик загрузки и перед глазами замелькали заголовки статей:

« Пышная церемония... »

«... наследник корпорации... »

«... более 500 гостей... »

Да, я знала, знала, что так будет. Он меня предупреждал. Но я не представляла, что будет настолько больно.

В груди снова распустилась черная, липкая бездна.

Я протянула руку и, взяв, лежащую недалеко резинку для волос, туго сцепила в хвост распушившийся одуванчик.

« Не за чем ».

Думаете, я на этом остановилась? Нет, я решила воткнуть нож в себя поглубже и открыла фотографии. Все они были сделаны в парке, покрытом огромными цветущими сакурами. Лепестки красиво лежали в траве. Наверно, дату специ-

ально подбирали, чтобы попасть в самый пик.

«Традиционные костюмы... Настояла семья?»

А в голове уже звучал мужской голос:

– «С распущенными волосами ты похожа на цветущую сакуру...»

Я хмыкнула.

«Интересно, как ты себя чувствовал, находясь под этой бело-розовой пеной? Было ли тебе уютно? Вспоминал меня? Видел ли меня в пушистых соцветиях?»

«Достаточно!»

Я выключила телефон, убрав с экрана профессионально сделанные снимки и встав, неожиданно увидела свое отражение в зеркале.

«Что за нелепый вид!»

И быстро начала стягивать с себя сарафан и яркие гольфы.

Спала я крепко, видимо эмоций за прошедший день было слишком много. Очень разных эмоций. А на утро в душе была тишина и пустота. Я надела свои обычные вещи, влезла в растянутый кардиган, затянула волосы в пучок и вышла в гостиную.

На кухне уже стоял Юджин.

«Что это с ним? Почему он так рано поднимается?»

Как и вчера, он повернулся на звуки моих шагов, с яркой улыбкой начав говорить:

– С добрым...

Но, увидев меня, Юджин вдруг осекся, его лицо исказилось какой-то мукой и он почти закричал:

– Нет, нет!!! Хлоя, почему? Почему, ты опять такая?!

Я спокойно посмотрела на него и уточнила ровным голосом, лишенных интонаций:

– Какая такая? Я это я.

– Да нет же! – парень отчаянно взмахнул рукой, пытаясь донести до меня свою мысль. – Это не так!

Я подошла к нему, невозмутимо встав рядом:

– Будешь завтракать?

Юджин опустил глаза и тихо сказал:

– Не знаю... наверно...

– Ладно, посмотрим, что у нас есть, – открыла я холодильник, заглядывая внутрь. – Как насчет яичницы?

Певец, не отвечая, прошел к панорамным окнам, за рояль и, отвернувшись, стал смотреть на улицу.

Что ж, сделаю на свой вкус.

Через несколько дней, пока я была дома одна, у меня зазвонил телефон и на экране высветилось имя: Бриан. Я слегка удивилась, у нас вроде пока не было никаких с ним проектов и ответила:

– Да, слушаю. Здравствуй, Бриан.

– Хлоя, привет! – раздался бодрый голос режиссера. – У тебя есть на вечер планы?

– Э, нет, вроде. У Фоксов будет концерт, так что я им не требуюсь.

– Отлично! Давай вместе поужинаем сегодня вечером. Мне с тобой надо кое-что обсудить. Если я закажу столик на 8 часов, тебе будет удобно?

– Хорошо, – все было как-то очень быстро. – А форма одежды парадная? – спросила я улыбаясь.

Мужчина засмеялся:

– Да, наверно, парадная. Я заеду за тобой. До вечера!

– До вечера, – отозвалась я и Бриан повесил трубку.

Он как всегда решает все вопросы очень оперативно. Я взглянула на часы: времени на подготовку у меня было достаточно, можно даже полежать в ванне с пеной.

На такой случай у меня имелся парадно-выпускной наряд. Как утверждала моя мама, у каждой девушки должно быть маленькое черное платье и тогда она не пропадет в любой ситуации. У меня к моему спасительному платью, честно скажу недорогому, еще имелись черные туфли-лодочки и маленькая сумочка.

Я все это называла про себя «боевой костюм» и практически никогда не носила.

Накинув махровый халат, я села перед зеркалом, чтобы сделать гладкую, вечернюю прическу и изобразить на себе «смоки-айс». Удивлены от того, что я знаю, что это такое?

Сюрприз-сюрприз!

В черной дымке глаза заиграли совсем иначе. Я достала из шкафа платье, в защитной упаковке. Даже гладить не надо. Оно представляло собой приталенное платье-футляр, длиной до колена и с прямоугольным узким вырезом. Я дополнила его ремешком-цепочкой, а на плечо повесила сумочку на длинном ремешке, тоже в виде золотистых звеньев.

Последними надела туфли и оценила получившийся результат. Из зеркала на меня смотрела элегантная молодая женщина, даже немного таинственная.

Такой я тоже умею быть. Было бы желание.

Я написала Юджину сообщение о том, что сегодня ужинаю не дома и вернусь поздно. Стоило мне это сделать, как раздался телефонный звонок. Это был Бриан. Он уже подъехал и ждал меня около ворот.

Я мазнула губы почти прозрачным блеском – еще один подарок от Марка и Гарта и, цокая каблуками, вышла из квартиры.

Мужчина встретил меня около машины, открывая дверь и говоря:

– Восхищен!

Я засмеялась:

– Бриан, давай, не так официально!

Он тоже рассмеялся и занял место водителя.

Ресторан располагался на последнем этаже делового цен-

тра. Нас проводили к столику около окна, из которого открывался вид на город в ночных огнях. Я задумчиво рассматривала длинные полосы уходящих вдаль фонарей и попросила Бриана самому сделать заказ.

Нам принесли черные квадратные тарелки с поджаристыми отбивными и с красивыми узорами соуса на них. И отдельно нарезку овощей. От вина я отказалась.

– Хлоя, – наконец заговорил режиссер, загадочно улыбаясь. – У меня к тебе деловое предложение. Хотя, сейчас, – он сделал многозначительную паузу, – я готов сделать тебе предложение и совсем иного рода.

Я тоже улыбнулась, но пригрозила ему пальцем.

– Ладно, если о деле, то я хотел бы работать с тобой и дальше, не только для Фоксов, но и для других исполнителей. После наших последних клипов, на меня посыпались предложения о работе.

Я удивленно смотрела на мужчину напротив:

– Бриан, я экономист, почти.

Он засмеялся и откинулся на спинку стула:

– Да, знаю я, Хлоя. Но это полная чушь! Ты безумно талантлива и это такая же правда, как и то, что ты сногшибательно выглядишь.

Я слегка хмыкнула на его комплимент:

– Благодарю. Но я все уже знаю про свое будущее. И оно никак не связано с киношной сферой, прости, если грубо прозвучало.

– Нет, – Бриан покачал головой. – Я ценю откровенность. Но позволь мне договорить: да, сейчас у тебя, конечно, не достаёт необходимых знаний, как ты сказала в «киношной сфере» и тебе надо этому учиться. Нет, не перебивай меня! Поэтому, у меня есть ещё одно предложение и оно даже более необычное, чем первое.

Я недоуменно подняла брови.

– Как ты знаешь, я сам только недавно получил диплом и я проходил обучение у совершенно гениального человека. Да я голову был готов отдать, чтобы попасть к нему на курс! Легенда! И сейчас он продолжает следить за своими учениками, тем более, я надеюсь, что у нас сложились с ним действительно доверительные отношения за время моей учебы. Хотя он очень не простой человек! Так вот, недавно он позвонил и прямо спросил, кто мне помогал в последних работах для Фоксов. Все же, он хорошо знает мою руку.

Режиссер наклонился вперед над столом:

– Хлоя, я, правда могу, и наверно, довольно талантливо сказать, как снимать, какие приемы использовать, но ты можешь сказать Что снимать и твой взгляд на мир удивительный. Ты это понимаешь?

Я нахмурилась и искренне ответила:

– Бриан, боюсь, ты видишь жемчуг в простых камнях.

Но мужчина лишь захохотал в голос:

– О, вы с ним прекрасно поладите! Я жажду посмотреть и послушать ваши диалоги с Вацлавом. Это мой учитель. Лад-

но, Хлоя, обещаю, что подумаешь, хорошо? Только позвони и я вас познакомлю. Он сказал, что хотел бы на тебя посмотреть, а это дорогого стоит.

Я даже не знала, что ответить. Поэтому следующий час мы просто говорили о жизни, неторопливо доели ужин, потом еще и десерт и Бриан отвез меня обратно.

Глава 12

Когда я открыла ключом дверь, в гостиной горел свет. Значит, Юджин уже вернулся. Я прошла вперед и заглянула в зал. Певец спал на диване, слегка укрывшись пледом. Я скинула туфли, чтобы не шуметь и аккуратно, мягко подошла к нему, собираясь поправить съехавший клетчатый плед, но когда я взяла за ткань и, наклонившись, потянула ее к плечам Юджина, он открыл глаза и резко спросил меня низким голосом:

– Где ты была?

Я непроизвольно вздрогнула и выпустила плед из рук, потому что, мужчина, в упор смотревший на меня холодными глазами, был совершенно не похож на привычного смешливого Юджина. Он был какой-то опасный, взрослый и чужой.

Я неловко улыбнулась:

– Ужинала с другом, я тебе писала, – и начала разворачиваться, чтобы уйти.

Но быстро сев, Юджин, неожиданно, схватил меня за руку и быстрым движением опрокинул на диван, нависая сверху на вытянутых руках и плотно сжимая мои бедра своими коленями.

Не пошевелиться.

Сердце забилось очень сильно, но я лишь прямо и спокойно посмотрела ему в лицо снизу вверх и сказала:

– Не смешно.

– А я не смеюсь, – мужской голос был серьезный. – Может, я еле сдерживаю себя.

Его волосы свесились вниз отдельными прядями, а взгляд был требовательный, жесткий. Широкие плечи закрывали весь обзор.

Я невозмутимо и иронично фыркнула:

– Ты переигрываешь!

Этот чужой Юджин немного склонился ко мне и вкрадчиво зашептал:

– А если, я все время играю?

Я прикрыла глаза, чтобы не видеть так близко его лицо и обдумать услышанные слова.

– Нет, – посмотрела я строго и уверенно в его глаза. – Ты сейчас пытаешься казаться взрослее, но на самом деле, остаешься все тем же Юджином, который не умеет отвечать за свои поступки, заботиться о себе или о других. Все! Концерт окончен!

И резко оттолкнув его левую руку, встала, подобрала по дороге туфли с пола и отправилась к себе в комнату.

Он остался сидеть на диване.

Хотя моя походка была спокойной, я не буду вам врать, что, прикрыв за собой дверь, я не защелкнула замок и что мои пальцы не дрожали, когда я не с первой попытки смогла расстегнуть молнию на платье.

На следующее утро, мы оба сделали вид, что ничего не было и продолжали общаться, как обычно, если только чуть меньше, чем раньше. Юджин был такой же, как всегда. И вроде все было как обычно, но...

Сегодня у группы «Фокс» брали интервью прямо в студии, точнее у каждого участника по отдельности, но т.к. Санму не отличался особой разговорчивостью, то его быстро отпустили и он поднялся ко мне в общую комнату.

Я доделывала очередной реферат в ноутбуке, но делала это почти автоматически, не вникая в суть текста. Мысли в последнее время были где-то далеко.

Неожиданно, Санму подошел близко ко мне и позвал:

– Хлоя!

Я подняла глаза и улыбнулась, он нечасто ко мне обращался, хотя все всегда замечал и был очень предупредительным.

– Да?

– Пойдем со мной, – сказал музыкант спокойно и сразу направился к выходу.

Я быстро сохранила документ и последовала следом. Мы пришли в зал, где обычно проходили их репетиции. Сейчас здесь никого не было. Санму прошел к ударной установке и кивнул мне на нее:

– Садись.

– Что? – я честно ничего не понимала.

– Просто садись, – еще раз указал он мне на свой стул.

Мне ничего не оставалось, и я послушно заняла место перед барабанами.

«Ни разу еще не касалась этого инструмента».

Санму достал из кармана палочки, с которыми он никогда не расставался и протянул мне:

– А теперь, бей, – вдруг сказал он.

Я сидела с палочками в руках и чувствовала себя полной душой, поскольку все было не понятно и очень странно.

Я умоляющее посмотрела на молодого человека. И он сказал чуть больше:

– В первый раз я сел за барабаны, потому что не имел возможности выразить свои эмоции. Я тогда жил в Индии, в закрытой касте. И ни семья, ни обстоятельства не позволяли мне как-то проявлять себя. Поэтому, – наклонившись, Санму обхватил ладонью мою руку с зажатой палочкой, – просто бей!

И с силой замахнувшись, ударил по одному из барабанов. Оглушило громким звуком и эхом.

– Теперь сама.

Музыкант распрямился и сделал шаг назад. Если бы это был кто-то другой, я бы отшутилась или вспылила, но Санму всегда был предельно честен и это обезоруживало.

«Не верю, что я это делаю».

Я взмахнула руками и не сильно стукнула палочками по поверхности инструмента.

«Словно мышинный писк».

– Сильнее! – раздалось. – Подумай обо всем, что мучает тебя.

Я непроизвольно подчинилась серьезному голосу и ударила сильнее, несколько раз.

Бам! Бам! Бам!

Вибрации от палочек расходятся по кисти.

Бам! Бам! Бам!

«Бело-розовые фотографии с лучами солнца на одежде...»

Бам! Бам! Бам!

«Испытанный страх ночью...»

Бам! Бам! Бам!

«Затрагивающий душу вопрос Бриана и отсутствие выбора в моей жизни...»

А теперь меня уже оглушила тишина.

Палочки выпали из пальцев и я заплакала, закрывая лицо руками. Или зарыдала.

Санму подошел и молча прижал меня к себе, обнимая одной рукой за плечи. Продолжая плакать, я уткнулась в его футболку. Он молчал и просто был рядом. Мой неожиданный друг.

«Мне надо уехать» – мелькнула мысль в голове.

Эта сцена стала нашим секретом.

Зато теперь я отчетливо понимала, что больше ничего не понимаю и мне необходимо время для себя. Мне надо остаться одной. Поэтому на следующий день, я подошла к Хэзлу и попросила у него отпуск с открытой датой возвращения. Он обеспокоено на меня взглянул и спросил:

– Но... ты ведь вернешься?

Я прямо посмотрела в ответ:

– Я не знаю. Сейчас – не знаю.

Менеджер заметно помрачнел и вздохнул:

– Я вижу, что отговаривать тебя бесполезно, но как всем объяснить и ...

– Нет. Не надо ничего объяснять. Я им напишу, хорошо? А потом на какое-то время буду вне доступа. Я больше не могу... так.

– Хорошо, отдохни, восстановись и возвращайся. Пожалуйста, Хлоя!

Я улыбнулась, но не ответила.

А вечером заказала билет на поезд в родной город и собрала сумку. Только самое необходимое. Утром отвезла Юджина на репетицию, помахала всем рукой и вроде как обычно отправилась на учебу. Для всех.

Но, быстро вернувшись в квартиру, я взяла сумку и по-

спешила на вокзал, чтобы уже сидя в вагоне отправить всем сообщение о том, что уезжаю ненадолго отдохнуть и просила их вести себя хорошо, особенно Юджина, а затем вынула сим-карту из телефона.

Вот и все.

В ближайшее время Хэзл берет на себя обязанности курьеры-наседки. А я скоро увижу родных, дом и перестану обо всем думать. Я надеюсь на это.

Родители были и бесконечно рады и шокированы моим появлением. Мы обнимались на пороге и не могли ничего сказать от переполнявших эмоций. Затем мама с гордостью и нежностью продемонстрировала, как папа с тростью и, держась второй рукой за стену, осторожно и медленно выходит из своей комнаты. Вы-хо-дит!

Могли ли мы мечтать об этом? Смели ли надеяться?

Все понимали, что до конца он, скорее всего, не восстановится, но достигнутый результат терапии был удивителен. Мы долго сидели на кухне в этот вечер, разговаривая, смеясь, не вспоминая ничего плохого. Конечно, была затронута тема моей работы. Я рассказывала родителям, что теперь являюсь ассистентом музыкальной группы.

Мама призналась, что посмотрела их клипы и что они все «очень милые мальчики».

Смех какой, надо будет ребятам рассказать, подумала я и тут же себя остановила. Ты же сама сбежала. С чего тогда

желание поговорить?

Не знаю.

За следующие дни мы провели с мамой масштабную генеральную уборку, шутливо ругаясь с папой и отбирая у него «ценный» мусор. Купили немного новых вещей для дома. заменили старые шторы, уже не слишком привлекательную посуду, пушистые полотенца в ванную и, несмотря на мамыны возражения, купили ей теплое одеяло.

Пока я гуляла по знакомым улицам, Фоксы не оставляли меня. Они смотрела с обложек журналов, звучали по радио, а их клипы показывали по телевизорам в магазинах и в витринах.

Я остановилась около одного монитора и вспомнила, как раньше снисходительно называла подобные группы «поющими трусами». А теперь полностью окунулась в незнакомый мир и узнала, что это тоже тяжелый труд. И долгие репетиции, и переезды, и муки рождения новых песен и концерты, на которых ты должен отдать зрителю часть своего сердца.

Я действительно уважала все это.

И нельзя отрицать, что мне было интересно вариться в подобном «компоте». А люди? Каких необычных людей я встретила!

Я не жалела о проведенном времени со всеми. Но, все же, изменения должны произойти.

Да.

Когда я, наконец, честно поговорила с собой, мне стало легче, спокойнее и я уже с улыбкой провела две недели с родными, чтобы потом снова собрать сумку и, поцеловав их в щеки, уехать обратно, в свой странный, забавный и не всегда простой «компот».

Глава 13

По приезду я сразу позвонила Хэзлу, и мне показалось, что он искренне рад был меня слышать. На мой вопрос о том, как у всех дела, менеджер рассказал, что все прошло не так страшно, как он думал. И более того, когда он в первый раз приехал за Юджином утром, уже морально готовясь к долгим и выматывающим препинаниям, солист открыл ему дверь полностью собранным и одетым и спокойно прошел вниз в машину. Для Хэзла это событие стало подобно схождению священного огня в Иерусалиме. Я посмеялась вместе с ним и попросила его и Юджина встретиться со мной для обсуждения нашей дальнейшей жизни.

Мы пересеклись у Хэзла в офисе, где я когда-то подписывала с ним рабочий контракт. Когда я вошла, они оба занимались своими делами. Мы поздоровались, я и Хэзл довольно эмоционально, Юджин несколько тихо. Он вообще, на протяжении всей беседы вел себя очень тихо и только в конце, когда я озвучила, как я все это вижу и спросила его, согласен ли он на такие условия, певец спокойно ответил:

– Хорошо. Пусть будет так.

И больше уже ничего не говорил. Было немного странно не знать, о чем он думает.

Вот на чем мы остановились: я съезжаю с квартиры Юджина, потому что мне была нужна своя, отдельная жизнь,

свое пространство, но я продолжала оставаться его помощником и ассистентом, чтобы помогать, координировать его расписание и передвижения за день.

Я хотела провести некие границы.

О том, где я собиралась жить. Нет, в старую квартиру я не буду возвращаться, к стенам, которые помнили многое и к тому же, у меня теперь есть финансовая возможность найти что-то более симпатичное.

Хэзл помог мне и дал координаты надежного риэлтора. И спустя два дня, я уже полностью забирала свои вещи из квартиры Юджина, чтобы перевести их в мой новый дом. Это был достаточно тихий район, без каких либо изысков, но располагавшийся недалеко от парка, где можно было бы совершать прогулки или даже приходить с учебниками на скамейку.

Квартира была однокомнатная, светлая и с яркими цветочными шторами на окнах. Наверное, они то меня и привлекли. А на широкие подоконники прекрасно встали горшки с цветами. Я купила желтый обаятельный абажур, накинула на диван-кровать лоскутный плед.

Как же я была счастлива, стоя посерединке своей комнаты. И очень горда.

«Словно утка – посмеялась я над собой».

Раздался телефонный звонок и я ответила, даже не посмотрев на номер:

– Хлоя, ты ведь не дура? – прозвучал в ухе голос Бриана.

– Э-э-э... – немного опешила я. – Судя по твоему тону и вопросу, ты собираешься утверждать обратное.

Мужчина засмеялся:

– Если нет, то быстро собирайся, через полчаса я заеду за тобой, и мы поедem к Вацлаву. Мне сказали, у тебя новый адрес. Называй!

Решив зря не удивляться, я продиктовала адрес и прикинула, надо ли мне сильно озаботиться своим внешним видом, но потом осталась как обычно.

«Ай, все равно!»

Мы приехали к университету Бриана. Вокруг здания и по всем этажам носилась забавная молодежь. Кто-то пел, кто-то играл на гитарах или репетировал сцены из спектакля. Было весело, шумно. Такие яркие, звонкие, открытые.

Мы прошли на третий этаж и, оставив меня в коридоре ненадолго, Бриан постучавшись, зашел в кабинет. Скоро он с хитрым видом выглянул обратно и позвал меня внутрь.

Мужчина, сидевший за столом и печатавший что-то в ноутбуке, сразу напомнил мне ястреба. Острый профиль, нос с явной горбинкой, чуть седые волосы. Сильный, требовательный, заполняющий собой пространство.

Он хлестнул по нам словами:

– Садитесь!

И продолжил быстро стучать клавишами. Мы с Брианом сели на диван и я осмотрелась. На сенах висели многочис-

ленные дипломы и сертификаты. На полках блестели через стеклянные дверцы статуэтки и награды.

Трепета у меня не было. Я ничего о нем не знала. Мне было совершенно не знакомо его имя и я специально не стала искать информацию об этом человеке. Бриан волновался и переживал больше меня. Он очень уважал своего учителя.

Наконец Вацлав поднялся и стремительно пересел в кресло, стоящее напротив нас, закинув ногу на ногу. Прохладные, голубые, глубоко посаженные глаза вперились в меня словно буравчики. Лицо строгое, суровое.

Я молчала, он тоже.

«Все правильно, он ведь хотел только на меня посмотреть, да?»

Бриан недоуменно переводил глаза на наши лица, он со вкусом ожидал совсем другого.

Я внутри посмеялась и подумала, что если этот легендарный человек ждет, что я начну выкладывать что-то про себя, то он ошибается.

Что бы я ему рассказала? Про непростую историю моей семьи? Нет.

Про то, как внутри меня иногда распускаются черные цветы? Тоже нет.

Про мое прошлое или настоящее? Вот еще!

Так мы и сидели, невозмутимо глядя друг на друга. Наконец, лицо мужчины немного смягчилось, и он встал, перехо-

дя обратно за свой стол со словами:

– До завтра, Хлоя.

Я поднялась и, увлекая за собой Бриана, направилась к выходу, чтобы у самых дверей ответить:

– Пока не знаю.

И вышла в коридор. Немного замешкавшийся Бриан догнал меня в коридоре с изумлением на лице:

– Что это сейчас было?

– Ничего такого, – пояснила я. – Ваш учитель сделал мне предложение, я сказала, что подумаю.

Молодой режиссер только покачал головой:

– Вы друг друга стоите.

Затем я поехала к Юджину, но рассказать про состоявшуюся встречу не успела. Когда я вошла в гостиную, певец примерял к стене какую-то картину. Он повернулся ко мне, чтобы ответить на мое приветствие и я увидела, что именно он хотел повесить.

«Нет...»

– Откуда, – язык не слушался, – откуда это у тебя?

Юджин с улыбкой посмотрел на портрет:

– Невероятно похоже! Я его выкупил.

Мне кажется, я сейчас стала похожа на призрака. Или сама увидела привидение.

На картине была изображена девушка, такая юная, светлая, смеющаяся. Казалось, что она вот только к вам обернулась и счастлива вас видеть. Распушенные волосы ореолом клубились вокруг лица, играли в пронизывающих их солнечных лучах и сливались с цветущими ветками на заднем фоне.

«Да, в стиле импрессионистов. Чуть зыбко, размыто, словно мечта. Неужели я была такой?»

– Это не правда! – глухо выдохнула я. – Он бы не продал!

Юджин хмыкнул:

– Я его уговорил, сказал, что он не имеет права. Ты знаешь, он женат.

Я все не могла оторваться от болезненно знакомого портрета.

– Да, знаю... у него не было выбора.

Неожиданно, певец сорвался на крик:

– Перестань его защищать! Выбор есть всегда! Он мог выбрать тебя!

– Ты не понимаешь... – шепнула я.

«Ты не сможешь понять династического брака. Ты не сможешь понять этот менталитет и строгое следование правилам семьи.

А мне пришлось».

В первый раз я обратила внимание на тихого японского паренька со смешным акцентом, из-за того, что его руки всегда были в пятнах краски. Он подрабатывал в том же кафе, что и я в качестве посудомойщика. Никто бы не дал ему 23 лет. Я заговорила с ним. Его звали Ичиро и он рассказал, что ушел из семьи, потому что все они были категорически против его увлечения живописью. И уже больше года он пытался выжить в этом городе, улетев так далеко, подрабатывая, где придется, чтобы все оставшееся время посвящать своей страсти.

Мы много смеялись, несмотря на сложности в понимании, а может из-за них. Я тогда была очень смешливая. А затем был год вдвоем, в той самой несуразной квартире. Блестящий, удивительный, невозможный год. Мы крутились, как могли, но были счастливы. Я привыкла к запаху краски, а он к моим выходкам и эмоциональности. Целый год из тех двух лет, что оказалось были ему даны кланом, перед тем, как Ичиро должен был занять место во главе корпорации и отдать свою руку той, с которой он был сговорен с младенчества.

Я не опишу вам мои эмоции, когда я все это узнала. Слишком тяжело.

Он плакал сидя передо мной, а я уже нет, но уехал.

«Нет, не хочу. Это все в прошлом».

Я очнулась и вдруг осознала:

– Ты с ним виделся?! Но как? Как ты вообще узнал? – повернулась я к Юджину с сильно бьющимся сердцем.

Тот как-то замялся и начал оправдываться:

– Я был вынужден. Ты ведь ничего мне не рассказывала, одни намеки и отдельные слова. А потом просто уехала! Понимаешь?

Я смотрела на него и не могла поверить:

– Ты... нанимал кого-то?

Во мне все оборвалось. словно в душе покопались грязными руками. Предали.

– Ты же мог спросить...

Юджин горько и зло фыркнул на мои последние слова, опровергая их.

«Я бы рассказала. Однажды, я бы рассказала. Тебе надо было только подождать...»

Все! Все! Это было слишком! Это был конец.

Я развернулась и быстро вышла навсегда из этой квартиры, из этой не начавшейся истории.

Послесловие

Прошло полгода. Я больше не работала на Фоксов. Первые минуты Хэзл пытался меня отговорить, но, увидев мое состояние, просто отпустил. Я не могла даже слышать имя Юджина.

С ребятами мы время от времени переписываемся, но, не касаясь темы группы. Райк все также крутит романы и присылает мне смешные фотографии с подписями о том, какой же он сногшибательный. Сейчас его пряди были заплетены в мелкие зеленые косички. Я ответила, что он стал похож на крокодила. Это его крайне возмутило.

К Санму, из Индии, наконец, смогла приехать (а на самом деле, был организован побег) его троюродная сестра, с которой они давно любили друг друга. Горюйте поклонницы синих глаз!

Чаще всего мы переписывались с Шенноном. Просто о жизни. Но недавно он написал, что на съемках встретил кого-то удивительного. Пока еще ничего не было ясно, но я уже держала за него кулачки.

Я закончила свое экономическое образование и благополучно положила диплом на полку, поскольку теперь почти каждый день бывала у Вацлава, если не была занята с командой Бриана. Наше общение с учителем протекало довольно бурно. Если он начинал свирепеть или повышать голос, то я

отвечала тем же. Это его забавляло. Но Вацлав очень многому меня учил.

Еще я бывала у Марка и Гарта и именно им я доверила уничтожение своих волос. Нет, не полностью, конечно, не пугайтесь! Мне сделали боб-каре от чего я стала похожа на задорного одуванчика, особенно когда шагала в странных штанах с заплатками или в многослойных юбках. А что? Творческий человек, имею право.

Зазвонил телефон. Это Вацлав, у нас была назначена встреча:

– Да, я уже выхожу! – сказала я в трубку, но меня остановили.

– Постой, ребенок, – мужчина меня иногда так иронично называл. – Ты ведь знаешь, что Он мне не нравится, и я понимаю, что ты не хочешь о нем слышать, но не сказать тебе, чтобы ты посмотрела его последний клип, я не могу. Все, отбой!

Я удивленно слушала гудки в телефоне. Очень странно.

А потом набрала в поисковике группа «Фокс». Засветилась ссылка на их новый клип. Песня называлась «Теперь я знаю, что такое любовь».

Я открыла ролик.

Клип был очень простой. Юджин сидел на диване, облокотившись на колени и пел. Но его самого было очень мало.

Все основное время занимали видео-кадры... со мной.

Нет, лица не было видно. Но это была я снята со спины, когда готовила на кухне и слегка пританцовывала под музыку, размахивая поварешкой, это я сидела в кардигане в окружении книг с вечным пучком. Просто шла впереди по улице или сидела в машине, отвернувшись в окно. Только я.

Когда он успел? Я знала, что Юджин увлекается съемкой роликов, но ни разу не замечала, чтобы он снимал меня. Как...?

Закапали слезы.

«Теперь я знаю, что такое любовь.

Ты показала мне путь,

Ты стала светом во тьме.

Тогда я не знал, что о любви не кричат,

А только тихо поют...»

– Аллю.

– Я могу тебя засудить за незаконное использование личных видеоматериалов!

– Хлоя...

В оформлении обложки использована фотография автора flooy «1336922» с <https://pixabay.com/ru>